

ВОСПОМИНАНІЕ

О РУССКОМЪ ХУДОЖНИКѢ

ПАВЛАЪ АНДРЕНЧЪ ФЕДOTOвъ

RECEIVED

SEP 10 1964

U.S. DEPT. OF JUSTICE

107247/К
ВОСПОМИНАНІЕ

О РУССКОМЪ ХУДОЖНИКЪ

ПАВЛЪ АНДРЕИЧЪ

ФЕДOTOBЪ

А. ДРУЖИНИНА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1853

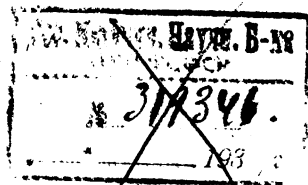
FA 4175.60.22

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

с тем, чтобы напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, марта 16 дня 1853 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О РУССКОМЪ ХУДОЖНИКѢ ПАВЛѢ АНДРЕИЧѢ ФЕДOTOBѢ.

«Чувствуя приближеніе смерти, генералъ нашъ поднялъ голову и сказалъ, по испански, обращаясь къ окружавшему его непріятелю:

«Здѣсь умираю я, Ричардъ Гренвилль, какъ добрый солдатъ, сдѣлавшій свое дѣло. И будутъ обо мнѣ вѣчно помнить, какъ о зѣрномъ и храбромъ воинѣ....»

Записки Ралеяга.

«Жизнь самаго простаго человѣка можетъ быть поэмою», говоритъ одинъ изъ современныхъ мыслителей, и афоризмъ его справедливъ до нѣкоторой степени. Но сколько ума, наблюдательности, добрыхъ началъ долженъ имѣть въ себѣ читатель, приступающій къ жизнеописанію обыкновеннаго человѣка, затѣвъ, чтобъ поучаться имъ какъ поэмою! Малое, крайне малое число біографій стоить названія поэмъ по своей общедоступности; немногіе изъ людей, жившихъ и живущихъ на свѣтѣ, сумѣли сдѣлать возвышенную пѣснь изъ своей жизни, — пѣснь, вѣзавшуюся въ память современникамъ и несущую за собою благородное поученіе для послѣдующихъ поколѣній. И тѣмъ дороже должны быть для насъ люди подобнаго рода. Искать такихъ людей, любить ихъ, передавать свѣту ихъ дѣла, труды, мысли, самыя заблужденія и странности есть

наслаждение. Теряя человека, создавшего из своей жизни пѣснь героической поэмы, мы теряемъ не все: лучшая его часть остается съ нами. Мы стыдимся плакать; невинныя, но пустыя фразы, произносимыя во время тяжкихъ потерь, здѣсь оказываются лишними. Рыдать и бесплодно сѣтовать позволяется только передъ гробомъ существъ, дорогихъ нашему сердцу, и ничего болѣе. Люди, жившіе и трудившіеся даромъ, требуютъ своей памяти иной дани, иного почитанія.

Художникъ Павелъ Андреичъ Федотовъ, скончавшійся, послѣ тяжелой болѣзни, въ ноябрѣ 1852 года, принадлежитъ къ числу людей, жившихъ и трудившихся не напрасно. Заслуги покойнаго, какъ художника, слишкомъ извѣстны всякому, кто сочувствуетъ русскому искусству; жизнь его есть пѣснь горючешкой поэмы, богатая поученіемъ. Эта жизнь, вся отданная высокому и прекрасному, лучше всѣхъ твореній Федотова. Судьбѣ угодно было прекратить существованіе художника на самой первой ступени заслугъ и извѣстности; только ближайшіе изъ друзей Павла Андреича могутъ сказать о томъ, какъ слабы, ничтожны были его превосходные начатки передъ тѣми неистощимыми сокровищами, которыя зрѣли въ умѣ его. Только они сознавали съ ясностью, что будущіе труды нашего соотечественника, можетъ быть, превзойдутъ труды сэра Давида Вильки и самого Гогарта. Только имъ передавались проекты будущихъ произведеній, изумительныхъ по мысли, вдохновенно задуманныхъ. Только они по временамъ могли дивиться, глядя на бѣглые очерки, въ которыхъ достоинства, по видимому, самыя противоположныя и несовмѣстныя въ одномъ человѣкѣ, выражались съ рѣзкостью, приводящею въ изумленіе. Многие изъ жителей Москвы и Петербурга любовались большимъ альбомомъ Федотова; но немногіе знаютъ, что изъ всего этого альбома только двѣ или три вещи нравились самому художнику, между тѣмъ какъ другіе, несравненно прекраснѣйшее собраніе будущихъ картинъ существовало въ головѣ его. Многие изъ почитателей его таланта видѣли хотя часть его эскизовъ или небрежныхъ трудовъ, гдѣ грація шла рядомъ съ энергіею, сатира съ страстью, сила концепціи съ истинно фламандскимъ вниманіемъ къ подробностямъ? Если кто нибудь изъ нихъ и дѣлалъ предположенія насчетъ того, каинимъ блескомъ должна была въ скоромъ времени озариться художническая карьера Федотова, такіа предположенія все-таки не могли подходить къ истинѣ. Какъ геніальный полководецъ, поередѣ глубокой тишины одружившій непріятеля, станувшій всѣ свои силы, изучившій каждый шагъ боевой мѣстности, нашъ художникъ выжидалъ только часа для побѣды.

Судьбѣ не угодно было дать ему этого часа, чтобъ сдѣлать его побѣдителемъ. И полководецъ остался извѣстенъ только по авангарднымъ дѣламъ, и художникъ подарилъ насъ одними начинаніями. Еще бы годъ! еще бы хотя нѣсколько мѣсяцевъ!

Такъ прервана безвременно была дѣятельность Федотова какъ художника. Но жизнь его намъ осталась какъ нѣчто оконченное и цѣлое, къ которому нечего прибавлять, изъ котораго нельзя выбросить одной страницы. Постараемся же изобразить эту жизнь, такъ, какъ мы ее понимаемъ, безъ фразъ и излишнихъ подробностей, но съ горячей любовью къ памяти покойнаго. Всякая замѣтка или дополненіе къ настоящему труду будутъ нами приняты съ чувствомъ живѣйшей благодарности. Мы не гонимся ни за полнотой очерка, ни за хронологическимъ порядкомъ, ни за правильностью изложенія: намъ хочется только изобразить личность нашего талантливаго друга, такъ, какъ мы собственнно ее понимали, такъ, какъ она представлялась намъ въ теченіе долгаго знакомства, ни разу не охлажденнаго малѣйшей размолвкой, малѣйшимъ неудовольствіемъ.

Павелъ Андреичъ Федотовъ родился въ Москвѣ, отъ весьма небогатыхъ родителей.

«Отецъ мой — рассказывалъ онъ — былъ воиномъ екатерининскихъ временъ, рѣдко говорившимъ о своихъ походахъ, но выдавшимъ многое на своемъ вѣку. Рассказы его нельзя было слушать безъ особеннаго чувства: такъ отдаленно казалось время, къ которому они относились, такъ изумительны оказывались лица и герои, ими упоминаемые. Женатъ онъ былъ два раза: въ первый — на плѣнной турчанкѣ, во второй — на моей матери. Большое наше семейство помѣщалось въ небольшомъ домикѣ, и жили мы очень бѣдно; но пока отецъ могъ служить, нужды особенной мы не испытывали. Старикъ былъ очень строгъ по службѣ, и часто, когда онъ возвращался домой изъ должности, за нимъ шелъ сторожъ съ одной, а иногда съ двумя парами саночковъ въ рукахъ. Сапоги эти, перевязанные бичовкой, кажутся, съ печатью около ула, принадлежали нерадивымъ или нечестнымъ писцамъ; снятыя за наказаніе, они оставались въ нашей квартирѣ до утра и потомъ уже возвращались провинившимся. Честностью обладалъ онъ безмѣрною; но она, какъ у многихъ честныхъ стариковъ, перенесшихъ многое въ жизни, облечена была въ формы суровыя, жесткія, угловатыя. Я помню, какъ одинъ разъ, замѣтивъ, что одинъ изъ его родственниковъ шеголяетъ какими-то дорогими вещами, отецъ сталъ упрекать его такъ угрюмо и рѣзко, что бѣдный обладатель небольшого сокровища замялся. Я думаю, что упрекъ

отца былъ неоснователенъ, осуждаю его подозрительность, а со всѣмъ тѣмъ не могу не удивляться этой неумолимой врожденной ему правдивости. Еслибъ я могъ рассказать вамъ, при какихъ обстоятельствахъ произошла упомянутая размолвка, вы бы еще вѣрнѣе раздѣлили мои чувства.

«Зима обыкновенно проходила довольно печально; но лѣто для насъ, дѣтей, было золотымъ временемъ года. Отдаленныя улицы Москвы и теперь еще сохраняютъ колоритъ довольно сельскій, а въ то время онѣ были почти тоже, что деревня. Любимымъ мѣстомъ нашихъ игръ былъ сѣнникъ, гдѣ можно было не только вдоволь рѣзвиться съ другими ребятами, но откуда, сверху, открывался видъ на сосѣдніе дворы, а всѣ сцены, на нихъ происходившія, оказывались передъ глазами наблюдателя какъ на блюдечкѣ. Сколько я могу дать себѣ отчетъ въ настоящее время, способностью находить наслажденіе въ *созерцательныхъ* занятіяхъ обязанъ я сѣннику, или, скорѣе, верхней его части. Жизнь небогатаго, даже, попросту, бѣднаго дитяти обильна разнообразіемъ, которое почти недоступно ребенку изъ достаточнаго семейства, — ребенку, развивающемуся въ тѣсномъ кругу изъ своихъ родителей, гувернантки да двухъ-трехъ друзей дома — особъ по большей части благовопитанныхъ, стало быть, не имѣющихъ ничего особенно дѣйствующаго на дѣтскую фантазію. Возьмите теперь мое дѣтство: я всякій день видѣлъ десятки народа самаго разнохарактернаго, живописнаго и сверхъ всего этого сближеннаго со мною. Наша многочисленная родня, какъ вы можете догадываться, состояла изъ людей простыхъ, неуглаженныхъ свѣтскою жизнью; наша прислуга составляла часть семейства, болтала передо мной и являлась на распашку; сосѣди были все люди знакомые; съ ихъ дѣтьми я сходилъ не на дѣтскихъ вечерахъ, а на сѣнникѣ или въ огородѣ; мы дружились, ссорились и дрались иногда, какъ намъ только того хотѣлось. Представители разныхъ сословій встрѣчались на каждомъ шагу — и у тетюшекъ, и у кумы отца, и у приходскаго священника, и около сѣнника, и на сосѣднихъ дворахъ. Все, что вы видите на моихъ картинкахъ (кромѣ офицеровъ, гвардейскихъ солдатъ и нарядныхъ дамъ), было видѣно и даже отчасти *обсуждено* во время моего дѣтства: это я заключаю какъ по воспоминаніямъ, такъ и потому, что, набрасывая большую часть моихъ вещей, я почему-то представлялъ мѣсто дѣйствія непременно въ Москвѣ. Бытъ московскаго купчества мнѣ несравненно знакомѣе; чѣмъ бытъ купцовъ въ Петербургѣ; рисуя фигуры добрыхъ, старыхъ слугителей, дядей, ключницъ и кухарокъ, я, самъ не зная почему, переносилъ мыслію въ Москву.... Сила дѣтскихъ впечатлѣній

запасъ наблюдений, сдѣланныхъ мною при самомъ началѣ моей жизни, составляютъ, если будетъ позволено такъ выразиться, *основной фондъ* моего дарованія.»

... Понятно, что у ребенка, способнаго развиваться такимъ образомъ, умственные качества не могли назваться обыкновенными. И точно: маленькій Федотовъ, безъ всякихъ предварительныхъ прощаній поступивъ въ Московскій Кадетскій Корпусъ, въ скоромъ времени обратилъ на себя вниманіе и начальниковъ и товарищей, а при выпускѣ оказался первымъ ученикомъ (*). Имѣя его, какъ отличнѣйшаго воспитанника, изображено, по обычаю, существующему въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, на мраморной доскѣ, въ одной изъ залъ Корпуса. Изрѣдка вспоминая о годахъ своей ученической жизни, Павелъ Андреичъ сообщалъ нѣсколько фактовъ, нелишенныхъ занимательности. Память его — сказывалъ онъ мнѣ — была такова, что всякая страница, прочитанная имъ въ то время, по нѣскольку дней будто носилась передъ его глазами. «Если на экзаменѣ или при повтореніи уроковъ мнѣ случалось запоминать ту или другую подробность, одну или двѣ учительскія фразы (въ то время еще учениковъ не убѣждали отвѣчать *своими словами*), мнѣ стоило только закрыть глаза на минуту, и все забытое, будто откуда-то выпрыгнувъ, являлось передо мной какъ написанное на бумагѣ. Эта способность длилась еще нѣсколько лѣтъ послѣ моего выпуска; въслѣдствіи намять стала слабѣть: въ томъ я убѣдился очень хорошо, однажды рассказавъ моему другу *** исторію, уже слышанную имъ, и слышанную отъ меня же. Если кто нибудь при васъ будетъ рассказывать во второй разъ какой нибудь анекдотъ или свое приключеніе, будьте увѣрены, что память рассказчика слабѣетъ, а самъ онъ близится къ старости.»

... Сверхъ своей завидной способности легко запоминать все прочитанное и слышанное, Павелъ Андреичъ умѣлъ привязываться ко всякой наукѣ, украшая необходимую сухость ея посредствомъ процесса своей могучей фантазіи. Для него исторія была рядомъ драматическихъ сценъ «въ костюмахъ и съ приличною обстановкою»; географія переносила его подъ чужое небо, къ чудесамъ чуждой нашему краю растительности: «когда я, маленькій — говорить онъ — глядѣлъ на ландкарту, около меня будто бродили львы, крокодилы и удавы»; слушая военныя науки, онъ присутствовалъ при движеніи войскъ, тяжкихъ бояхъ, осаждалъ крѣпости и выдерживалъ приступы; математика вообще и особенно тригонометрія

.. (*) Въ Корпусѣ Федотовъ поступилъ въ 1826 году, имѣя отъ роду около десяти лѣтъ. Черезъ четыре года, за отличіе въ наукахъ и поведеніе, сдѣланъ онъ былъ *ученикомъ-почетнымъ*, а еще черезъ два года, въ 1832, *фельдфебелемъ*.

наполняли его ужъ удивленіемъ къ чудесамъ, на которыя способенъ умъ человѣка. Рисовать онъ любилъ чрезвычайно и еще въ первые годы своего воспитанія до возможности дѣлать весьма скоріе портреты своихъ учителей и товарищей; по музыку онъ любилъ больше живописи. Осьмнадцати лѣтъ Федотовъ покинулъ школьныя занятія и, какъ первый воспитанникъ, выпущенъ былъ Лейбъ-Гвардіи въ Финляндскій полкъ, прапорщикомъ. Съ этой эпохи трудъ нашъ становится легче, ибо личные воспоминанія выступаютъ впередъ: знакомство мое съ Павломъ Андреемъ произошло на третій или на четвертый годъ его пребыванія въ полку, гдѣ мои два брата были въ то время его товарищами (*).

Мое первое свиданіе съ Федотовымъ произошло въ 1838 году. Павлу Андреичу было тогда 23 года, а мнѣ 12—13. Несмотря на значительную разницу въ лѣтахъ, я съ первыхъ же дней почувствовалъ симпатію къ нашему будущему художнику, тогда еще молоденькому и красивому офицеру, съ розовыми щеками, свѣтлыми глазами и маленькими темными усиками. Помню очень хорошо, что мои братья и другіе сослуживцы Павла Андреича въ этотъ день шутили по поводу какихъ-то его недавнихъ похаживаній въ Галерной Гавани, около взморья. На вопросы котораго-то изъ присутствующихъ обо всей исторіи Федотовъ разсказалъ компаніи, какъ онъ, забравшись въ этотъ, едва ли не самый отдаленный изъ всѣхъ уголковъ Петербурга, провелъ тамъ цѣлый день

(*) Здѣсь авторъ считаетъ излишнимъ сказать нѣсколько словъ отъ своего лица. И писатели и публика, особенно у насъ, въ Россіи, имѣютъ весьма понятное и весьма легко объяснимое предубѣжденіе къ тѣмъ статьямъ, въ которыхъ сочинители безо всякой нужды вводятъ свою собственную личность, во вредъ истинности и часто въ ущербъ произведенію. Но предубѣжденіе это, полагая во множествѣ отношеній, становится ложнымъ и вреднымъ, чуть оно переходитъ въ крайность. Неоспоримый опытъ показалъ, что біографіи и замѣтки о замѣчательныхъ современникахъ теряютъ половину своей живости отъ излишней щекотливости сочинителей. Безъ нужды скрывая свою личность, щекотливый біографъ часто грѣшитъ противъ съ хвастованъ, выискивающимъ всѣ случаи, чтобы печально поговорить о самомъ себѣ, а самой стать, изгнать изъ нея свои личные чувства и возрѣвья, придаетъ тонъ холодный и докторальный. По мнѣнію автора, простота и открытость могутъ назваться лучшими средствами выпутаться изъ всѣхъ щекотливыхъ положеній, литературныхъ и житейскихъ. Одинъ изъ темныхъ и неизвестныхъ публикѣ друзей Байрона говорилъ, начинавъ свои воспоминанія о знакомствѣ съ великимъ поэтомъ: «Я не знаю за собой ничего особенно удивительнаго и позорнаго: для чего же мнѣ прятаться съ моей личностью, терять лѣтъ и три черты, способныя уяснить личность, манеру, странности человѣка, дружбой котораго я никогда не перестану гордиться? Для портрета необходимаго огня: мнѣ не желательно, чтобы фигура, нарисованная мною, плавала въ туманѣ!»

въ семействѣ одного изъ стояхъ корпусныхъ товарищей. Описаніе улицъ, поросшихъ травой, маленькихъ домиковъ на сваяхъ, калятокъ съ завалинками, на которыхъ домохозяева имѣютъ обыкновеніе сидѣть въ халатѣ и бесѣдовать, вѣзавось мнѣ въ память съ рѣдкой ясностью. Потомъ Федотовъ, съ какимъ-то, ему одному доступнымъ, искусствомъ укладывавъ пространныя подробности въ весьма краткую рѣчь, перешелъ къ изображенію семейства своего пріятеля, вечернихъ занятій, дѣвицъ Галерной Гавани, игры старыни картами, бѣднаго, но веселаго и дружескаго ужина. Когда ему нужно было идти домой, неожиданное препятствіе вынудило его измѣнить это намѣреніе: вѣтеръ, дувшій съ моря цѣлый вечеръ, началъ крѣпчать во время ужина, а улицы были покрыты водою. Къ удивленію Федотова, означенное обстоятельство нисколько не испугало ни гостей, ни хозяевъ: и тѣ и другіе развѣстались какъ могли по разнымъ комнатамъ, дамы съ дамами, мужчины съ мужчинами; однако, никто не ложился спать. Къ общему смѣху шуткамъ присоединилось немного безпокойства, ибо вѣтеръ все дулъ и вода прибывала съ каждой минутой. Положаеъ еще съ полчаса, молодой хозяинъ вдругъ всталъ со стула и, взглянувъ въ окно, удивилъ Федотова такими словами: «господа! кто хочетъ ѣхать на лодкѣ?» Предложеніе было принято съ радостными криками, и вся мужская компанія, одѣвшись потѣнѣе, двинулась къ выходу. Тамъ ждала уже нѣкъ лодка, колымавшаяся и вертѣвшаяся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще вечеромъ можно было гулять не замочивъ ногъ. Вооружась шестами и баграми, мореплаватели поѣхали мимо домовъ, встрѣчался съ другими ладьями, тоже отправившимися на ловлю.

— Чтожь это была за ловля? спросилъ кто-то Федотова.

Павелъ Андреичъ тотчасъ же объяснилъ все дѣло. Нужно знать, что, при всякомъ, нѣсколько значительномъ наводненіи, дрова, ненужный лѣсъ, доски и хворостъ, зачѣмъ нибудь валяющіеся около взморья, поднимаются водой и несутся ею прямо по направленію къ Галерной Гавани. Иногда къ этому лѣсу прибавляются обломки какого нибудь развалившагося судна или полѣнья съ какой нибудь разбившейся дровяной барки. А такъ какъ на добычу подобнаго рода не могъ претендовать ни одинъ изъ жителей Петербурга, то и весьма внятно, что обитатели галернаго порта охотно пользовались невиннымъ случаемъ запасти дровами, досками, даже бревнами, безъ всякаго ущерба кому бы то ни было.

Ловля, описанная Павломъ Андреичемъ, принадлежала къ числу самыхъ продолжительныхъ и интересныхъ. Почти всю ночь компанія провозилась на волѣ; при свѣтѣ мѣсяца, предгрога, но

возвратилась съ честью и богатой добычей. Самый рассказ о лов-
лѣ мнѣ памятенъ такъ, какъ будто бы я его вчера слышалъ.

Рѣдкую недѣлю въ то время я не видалъ Павла Андреича; нѣ-
сколько разъ ему пришлось и ночевать въ нашемъ домѣ, когда
Нева расходилась и переѣздъ на Васильевскій Островъ, къ мѣсту
его жительства, бывалъ затруднителенъ. Великая терпимость Фе-
дотова, а еще болѣе его *жадность къ людямъ*, его вѣчная охота
имѣть передъ собою новые предметы для наблюденій дѣлала наши
сношенія весьма пріятными. Всякому извѣстно, какъ утомительно
для взрослыхъ людей общество ребятишекъ; если же эти ребятиш-
ки находятся въ странномъ и переходномъ возрастѣ 13-ти, 14-ти
или 15-ти-лѣтнемъ, ихъ компанія дѣлается чѣмъ-то совершенно
нестерпимымъ. Но Павелъ Андреичъ сумѣлъ сдѣлаться пріате-
лемъ моимъ и моихъ сверстниковъ: мы вѣчно ждали его посѣще-
ній какъ подарка, потому что онъ рисовалъ намъ картинки, раз-
сказывалъ разныя исторіи и нисколько не тяготился нашей бесѣ-
дой. Будто сочувствуя всѣмъ возрастамъ человѣка, онъ былъ со-
вершенно одинаковъ и съ дѣтьми и со стариками и, всегда оста-
ваясь простымъ и откровеннымъ, умѣлъ нравиться и тѣмъ и дру-
гимъ. Одинъ разъ я помню, какъ онъ рассказывалъ мнѣ и моему
15-ти-лѣтнему другу С. о наслажденіи, которое онъ испытывалъ,
посвящая иной свободный день гулянію по отдаленнымъ частямъ
города, безъ всякой цѣли, заговаривая съ простымъ народомъ,
обѣдая въ подземныхъ тавернахъ, по часу застаиваясь подъ освѣ-
щенными окнами незнакомыхъ домовъ и наблюдая какую нибудь
иногда забавную, иногда граціозную семейную сцену. Говоря обо
всѣмъ этомъ, Федотовъ ни слова не упоминалъ о прелестяхъ на-
блюдательности, о пользѣ изученія нравовъ, не вдавался ни въ ка-
кія, намъ недоступныя обобщенія: онъ просто рисовалъ передъ
нами рядъ живыхъ сценъ, и мы понимали его и сами сознавали
пріятность свободного дня, посвященнаго такимъ занятіямъ.

Въ это время Павелъ Андреичъ уже ходилъ по вечерамъ въ
Академію (*), рисовалъ носы, ножки, уши и руки, имѣлъ нѣкото-

(*) Во время занятій Федотова въ Академіи, онъ искалъ совѣтовъ у стар-
шихъ и младшихъ, менѣе его опытныхъ товарищей по ученію, выслушивалъ
сужденія и мысли каждаго, извлекая изъ нихъ пользу для своихъ будущихъ ра-
ботъ, которыхъ характеромъ были юморъ, разительное выраженіе, исное вы-
полненіе сюжетовъ, вѣрное выраженіе чувствъ и страстей, долженствовало
одушевлять лица, имъ изображаемыя, и наконецъ окончательность въ отлѣдкѣ
какъ фигуръ, такъ и посторонностей. Кисть его была пріятна, эффектъ правды-
вый и неусиленный, но естественный. Впослѣдствіи Федотовъ сталъ въ рядъ
весьма замѣчательныхъ отечественныхъ талантовъ, особенно въ своемъ родѣ, въ
которомъ не имѣлъ преемственниковъ. Взглядъ глубокій на природу и чело-

рыя знакомства между художниками, часто бывалъ въ Эрмитажѣ и возвращался оттуда въ восторженномъ настроеніи. Теньеръ и Фант-Оспаль были его любимцами. Нельзя было безъ хохота слушать его разсказовъ о содержаніи той или другой картины этихъ мастеровъ зоркій глазъ его мастерски подмѣчалъ все особенно комическое, все болѣе доступное поверхностнымъ цѣнителямъ живописи. Разъ два мы были въ Эрмитажѣ съ нимъ вмѣстѣ, и всякій разъ онъ, такъ сказать, двумя-тремя словами приковывалъ все мое вниманіе къ которой нибудь изъ своихъ любимыхъ вещей.

— Глядите-ка, глядите сюда, говорилъ онъ, подходи къ большому изображенію одной изъ фламандскихъ пирушекъ, Теньера: — вонъ смотрите, какъ хозяинка выгоняетъ метлой буяна. Ему хочется назадъ... полюбуйтеся, полюбуйтеся: онъ такъ и удираетъ! А здѣсь (картина изображала народную пляску), смотрите, какъ вонъ тотъ плясунъ поднялъ свою толстую и подбросилъ ее на воздухъ! Какъ всѣ веселятся, и какія рожи довольныя! Самому такъ весело становится! Вспомните объ этихъ картинныхъ завтра утрѣ: вамъ покажется, что вы будто сами плясали съ этими красными толстаками! Подѣляйте всегда впечатлѣніе, на васъ сдѣланное картиной, проснувшись по утру. Нужно, чтобъ воспоминаніе о ней, такъ сказать, сливалось съ вашей настоящей жизнью.

Собственно о художественныхъ начинаніяхъ Федотова въ то время я не могу сказать многого. Масляными красками рисовать онъ не пробовалъ, вещей большого объема и съ многочисленными фигурами почти никогда не дѣлалъ, постоянно оставаясь недовольнымъ ихъ компановкою. Но уже портреты его отличались разительнѣйшимъ сходствомъ, такъ что продавцы картинъ и эстамповъ выпрашивали у Федотова какъ можно болѣе экземпляровъ имъ рисованнаго портрета въ Божѣ почившаго Великаго Князя Михаила Павловича, считая его лучшимъ изъ всѣхъ портретовъ, у нихъ продававшихся (*).

Всѣ лица, знакомыя Павлу Андреечу, и въ томъ числѣ желаніе выставить его слабую и достойную осмѣянія сторону, средствами искусства, отмѣчали его произведенія. Онъ былъ бы нашъ Гогартъ, художникъ-исполнитель, общавшій дойти далѣе этого знаменитаго англійскаго живописца. (Изъ свѣдѣній, доставленныхъ изъ Императорской Академіи Художествъ.)

(*) Этихъ портретовъ Федотовъ нарисовалъ до двадцати, водяными красками, на осьмьюшпакѣ веленовой бумаги. Каждый портретъ тотчасъ же поступалъ въ магазинъ Доццаро и по большей части продавался въ тотъ же день. Нѣсколько экземпляровъ портрета нашъ случилось еще недавно встрѣтить въ Петербургѣ. Тамъ какъ и теперь не всѣмъ изъ купившихъ знаетъ, кѣмъ портретъ сдѣланъ, то я замѣчу, что ввиду нѣсколькихъ портретовъ изъ числа встрѣченныхъ мною стоитъ буквы И. и Ф. Великій Князь изображенъ въ профиль, на иныхъ — въ гвардейскомъ мундирѣ, на другихъ — въ мундирѣ военно-учебныхъ заведеній

были перерисованы по нѣсколькѣ разъ ; во всѣхъ видахъ , и онъ набилъ свою руку до того ; что могъ шутя , одною чертою изображать того или другого изъ своихъ пріятелей , товарищей и начальниковъ .

Нѣкоторые изъ картинокъ , отдѣланныхъ съ особеннымъ тщаніемъ , поступали въ особый альбомъ , хранившійся у Павла Андреича . Въ этомъ же альбомѣ помѣщены были очерки ; въ которыхъ довольно ясно обозначилось будущее направленіе покойнаго художника . Такъ , напримѣръ , я помню одну вещицу , чрезвычайно характеристическую въ этомъ отношеніи . Молодая , чисто одѣтая женщина , съ блѣднымъ , благороднымъ и испуганнымъ лицомъ , ведетъ подъ руку по улицѣ ; мимо насмѣшливыхъ зѣвакъ , своего мужа , приведеннаго , вслѣдствіе сильной дружеской попойки , въ положеніе жалкое и унизительное . Если не ошибаюсь , самъ Гогорь не отказался бы отъ такого сюжета : такъ онъ полонъ мысли , драматизма и цѣлительной сатиры , переходящей въ поученіе нравовъ .

Со дня поступленія моего въ полкъ , гдѣ служилъ Федотовъ , прежнее знакомство возобновилось и продолжалось ; несмотря на всѣ перемѣны въ нашихъ занятіяхъ , до самой смерти Павла Андреича . Первое наше свиданіе по службѣ происходило въ концѣ августа 1843 года . Федотовъ тогда жилъ въ казармахъ Л.-Гв. Финляндскаго полка , въ двухъ комнатахъ надъ адъютантской квартирой . Комнаты эти убраны были довольно мило какой-то мебелью изъ бѣлаго дерева ; гипсовые головки , носы , ноги и руки висѣли на стѣнахъ ; у дверей стояла черная доска , какія обыкновенно ставятся въ училищахъ для черченія мѣломъ . На диванѣ лежала гитара съ фаготомъ и еще какой-то раздвижной инструментъ въ родѣ флейты . На полу , на этажеркѣ и около стола разбросаны были книги : въ изобиліи валялись Винкельманъ , Пушкинъ и англійскія учебныя книжечки . По книжной части въ квартирѣ Федотова всегда можно было найти что нибудь необыкновенное : или томъ Кастемира , или какой нибудь журналъ екатерининскихъ временъ , или «Почту Духовъ» , или разрозненный томъ старыхъ мемуаровъ на французскомъ языкѣ , или какую нибудь рукописную поэму . Хозяйство Федотова находилось въ вѣдѣніи его служителя , Арнадія Коршунова , который жилъ при немъ до самой смерти своего барина , любилъ его съ рѣдкою нѣжностію и отошелъ послѣднимъ отъ могилы своего обожаемаго барина и друга (*).

Федотовъ принималъ меня очень ласково и спросилъ : переснакомился ли я съ офицерами ? а узнавъ , что уже всѣ визиты кон-

(*) Федотовъ , говоря съ кѣмъ нибудь про Коршунова , называлъ его : «мой слуга и другъ» .

ченъ, далъ мнѣ въ руки свой альбомъ, сказавъ: «теперь онъ будетъ для васъ понятнѣе.» На вопросъ мой о томъ, не обижается ли нѣкоторые изъ лицъ, выведенныхъ имъ въ нѣсколько карикатурномъ видѣ, онъ сказалъ, что изъ всѣхъ товарищей только одинъ принималъ шутку къ сердцу, да и тотъ старается не показывать. На черной доскѣ нѣсколькими штрихами набросаны были разныя сцены изъ тогдашней его жизни и кромѣ того ткнулся цѣлый рядъ рисунковъ самаго страннаго содержанія: на одномъ изъ нихъ офицеръ, въ костюмѣ славянскаго вѣтя, порицалъ монѣмъ голову одного англичанина; толпа, падая, открывала подъ собой комоду картъ. Потомъ то же лицо, въ античномъ костюмѣ, то есть безъ всякихъ одеждъ, лежало жертвымъ на диванѣ, и около него толпились другія знакомыя лица съ гитарами, лирами и балабайками. Федотовъ объяснилъ, что это сцены изъ «Руслана и Людмилы», имъ передѣланной; послѣ чего, взявъ гитару, спѣлъ нѣсколько забавныхъ арій изъ этой оперы. Въ то время онъ много занимался музыкой; и голосъ его, сильный, звучный, нуждался только въ достаточной обработкѣ.

Мысль о томъ, чтобы, оставивъ службу, окончательно посвятить себя живописи, начинала уже въ то время занимать Федотова; но всѣ его стремленія не получили еще достаточной опредѣленности. Его тянуло въ разныя стороны; онъ еще не успѣлъ предаться всей душой тому роду искусства, который долженъ былъ составить его славу. Ему нравилась и баталическая живопись, и портретная, и историческая; сверхъ того онъ страстно любилъ музыку, читалъ все, что попадалось подъ руки, да и чины шли хорошо, такъ что казать извѣстное для неизвѣстнаго могло показаться дурнымъ расчетомъ. Потомъ, Павелъ Андреичъ былъ очень привязанъ къ своимъ товарищамъ, между тѣмъ какъ самая служба и образъ жизни доставляли обильную пищу его наблюдательности. И нужно сказать правду, пребываніе Федотова въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку во многомъ способствовало тому настрою (слово, которое часто употреблялъ покойный), который впоследствии отразился въ его произведеніяхъ. Особы, незнакомыя съ военной жизнью, по всей вѣроятности, не знаютъ, какой обильный источникъ для наблюденія во всѣхъ родахъ представляетъ хорошо устроенный и хорошо составленный полкъ, особенно полкъ егерскій, то есть сформированный изъ народа молодого, бойкаго, шутливаго и расторопнаго. Сотни типовъ, самыхъ оригинальныхъ, неподмѣченныхъ и выхъ неописанныхъ, сами просятся на глаза наблюдателю, привлекаютъ его къ себѣ, вѣзываются въ память и помнятся на

вѣщныя времена. Федотовъ, еслибъ захотѣлъ, могъ быть первымъ нашимъ живописцемъ по части военныхъ сценъ; сверхъ своего таланта, онъ имѣлъ то преимущество надъ другими художниками, что самъ служилъ, самъ командовалъ ротой, вникалъ въ солдатскій образъ жизни и, по своему выраженію «любилъ солдата». При разборѣ вещей, оставшихся послѣ Павла Андреича, върогатно, отыщется маленькій эскизъ подъ названіемъ: «*Прибытіе епархаго гранадера Дворцовой Роты въ свою бывшую роту Финляндскаго полка*». Этотъ рисунокъ — совершенство въ своемъ родѣ, потому что онъ простъ и правдивъ; въ немъ вы видите десятки военныхъ типовъ безъ всякихъ украшеній. Бывшій фельдфебель роты, ввязанный въ дворцовые гранадеры, является къ прежнимъ товарищамъ въ гости; старые солдатики его привѣщаютъ и потчуютъ табакомъ; является маленький флейтчикъ, котораго старикъ вѣрно баловалъ прежде; *ротная собака*. (*) прыгаетъ отъ радости и ласкается къ уваженному ею посѣтителю. Въ глубинѣ ротной залы, обычныя занятія идутъ своимъ чередомъ: рекруты маршируютъ подъ надзоромъ дядекъ; цырульникъ, брѣвотный егеря, засматривается на гостя; одинъ солдатикъ сидитъ, другой угощаетъ родныхъ, третій любезничаетъ, четвертый подаетъ милостыню нищему, пятый чинитъ сапоги, шестой покупаетъ тебесемку у разнощика. Въ этомъ крошечномъ эскизѣ чрезвычайно много жизни, веселости, чувства и добродушія.

Службою Павелъ Андреичъ занимался старательно, хотя безъ особенной горячности. Зоркій глазъ — начало успѣховъ въ военномъ дѣлѣ — былъ ему лучшей помощью, давая возможность не только держать свою роту въ великомъ порядкѣ, но даже находить артистическую пріятность въ занятіяхъ довольно утомительныхъ для будущаго художника. Съ утреннихъ служебныхъ занятій Федотовъ почти всегда возвращался подмѣтивъ какую нибудь оригинальную подробность или характеристическую сцену. Маневры, съ дневками, живописными биваками, переправами въ бродѣ, дружескими бесѣдами, послѣ утомительныхъ переходовъ, были для Павла Андреича золотымъ періодомъ, давая ему десятками планы серьезныхъ или шутивыхъ очерковъ. Еще молодымъ офицеромъ, когда ему приходилось стоять на даваемыхъ караулахъ, онъ всегда возвращался съ запасомъ самыхъ разнообразныхъ наблюде-

(*) Эта прекраснѣйшая черта только и можетъ быть изображена живописцемъ, знающимъ права солдата до тонкости. Нашъ солдатъ добръ до чрезвычайности. Никто не является къ его столу, и при ротѣ есть иногда нѣсколько собакъ, но привѣрнія ихъ ротой считавшихся по улицамъ безъ хлѣба и надзора. Само собою разумѣется, что собака, нарисованная Федотовымъ, и мохнаты и безобразна.

ній. Если ему приходилось бывать съ ротой на пожарѣ, онъ, посреди дыма и суматохи, подсматривалъ за однимъ разъ столько сценъ, сколько иному не подмѣтитъ во всю жизнь.

Между офицерами, Павелъ Андреичъ, съ самого опредѣленія своего въ полкъ, считался истинно добрымъ и занимательнымъ изъ товарищей. Главными чертами кружка, въ которомъ онъ обращался, были веселость и насмѣшливость, смѣтливый истиннымъ, юношескимъ добродушіемъ. Каррикатуры Федотова, за которыя ему, въ другомъ, болѣе себялюбивомъ кругу, пришлось бы, можетъ быть, перенести тѣмъ непріятностей, здѣсь не возбуждали ничьего негодованія: эта одна черта говоритъ краснорѣчивѣе всѣхъ другихъ замѣтокъ. Безпечность Павла Андреича въ этомъ отношеніи доходила до того, что одинъ разъ, при переселеніи его на новую квартиру, черная доска, о которой мнѣ уже случилось упоминать, стояла цѣлое утро на улицѣ, представляя преходящимъ окоію десятка портретовъ и сценъ забавнаго содержанія, — и ни одинъ изъ товарищей не нашелъ этого страннымъ. Само собою разумѣется, за шутки платилось шутками, и «картистъ Федотовъ», съ его гитарой, фаготомъ, живописью, стихами, не всегда удачными, и нѣжнымъ сердцемъ, самъ служилъ обильнымъ поводомъ для дружескихъ насмѣшекъ.

Какъ бы то ни было, дальнѣйшія колебанія оказывались невозможными: время уходило. Павлу Андреичу, какъ я предполагаю, исполнилось двадцать-семь или двадцать-восемь лѣтъ. Все было сдѣлано имъ, до чего можно достигнуть, не занимаясь живописью исключительно — его рисунки водяными красками были одобрены многими знатоками. Портреты Федотовъ рисовалъ быстро, и они отличались разительнымъ сходствомъ; огромная способность къ сочиненію картинъ оказывалась въ самомъ легкомъ очеркѣ нашего художника.

Павелъ Андреичъ оставилъ службу съ мундиромъ и чиномъ капитана: разъ рѣшившись, онъ пошелъ по новому пути съ твердостью и смѣлостью. Пренебрегая лишніими, такъ сказать, вызывавъ на бой нужду съ препятствіями, онъ показалъ, что не умѣетъ приносить неполной жертвы. Первое пособіе, полученное имъ, онъ раздѣлялъ на двѣ части и отправилъ большую своему отцу и сестрамъ. Остальныя суммы имѣли то же назначеніе; дѣлиться своимъ доходомъ съ родными онъ не переставалъ до конца жизни.

Павелъ Андреичъ простился съ товарищами на частномъ обѣдѣ у одного изъ офицеровъ. Въ новомъ нарядѣ онъ казался довольно некрасивымъ и самъ надъ собою подсмѣивался, держалъ себя вообще очень весело и беззаботно. Обѣдъ сопровож-

дался прїемъ, танцами, искренними пожеланіями успѣховъ; всѣ мы, развѣ за весьма малымъ исключеніемъ, были совершенно спокойны насчетъ своего стараго товарища. Семейныхъ его дѣлъ никто не зналъ. Восторженная любовь Федотова къ живописи казалась простой горячностью, залогомъ легкаго успѣха. Старшіе товарищи были увѣрены, что нашъ общій другъ изберетъ себѣ какой-нибудь легкой, доходный родъ живописи, скоро набьетъ себѣ руку и, можетъ быть, составитъ порядочное состояніе. Многіе же, въ томъ числѣ и я, по молодости и вѣтренности, ровно ничего не думали, а ограничивались только желаніемъ всего хорошаго. Въ первое время послѣ отставки нашъ художникъ разъ или два раза въ недѣлю находилъ время побывать у кого-нибудь изъ прежнихъ товарищей. Иногда и товарищи заходили къ артисту Федотову, въ неблизкій, печальный домъ, гдѣ-то въ великомъ отдаленіи, между пустырей, у Невки. Въ комнатахъ было холодно и часто утарно. Преданный Коршуновъ послѣдовалъ за своимъ господиномъ въ качествѣ натурщика; одно время съ Федотовымъ жили какіе-то молодые люди, тоже художники; имени ихъ я не упоминаю.

На слѣдующій годъ Павелъ Андреичъ сталъ рѣже бывать у своихъ прїателей. До насъ изрѣдка доходили слухи о томъ, что онъ приступилъ къ маслянымъ краскамъ, работаетъ утромъ, вечеромъ и ночью, при лампахъ или при солнечномъ свѣтѣ, въ Академіи или дома, — работаетъ такъ, что даже смотрѣть страшно, не давая себѣ ни пощады, ни снисхожденія, ни отдыха. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, долгихъ мѣсяцевъ, прошелъ еще годъ, и слухи принявъ направленіе очень прїятное: Карлъ Павловичъ Брюловъ раскрывалъ эскизъ Федотова и часто съ нимъ видѣлся; художники, составляющіе славу русской Академіи, единогласно признавали въ нашемъ товарищѣ присутствіе замѣчательнаго дарованія. Въ рѣдкіе часы свиданія, по блѣдному лицу Федотова можно было догадаться о вседневной, тяжелой работѣ. Водоосы его сдѣлались очень рѣдкіи, глаза постоянно казались утомленными; но бодрость и веселость духа значительно увеличились. Онъ все еще думалъ посвящать себя живописи военныхъ сценъ и только живоислѣствіямъ, еще разъ посоветовавшись съ Брюловымъ, перешелъ къ тому роду, который такъ согласовался съ его образованіемъ, талантомъ и взглядомъ на искусство. Означенная перемена въ направленіи огорчила многихъ людей, любившихъ Федотова; нѣкоторые изъ нихъ даже сочли за признакъ непостоянства этотъ переходъ, въ сущности, весьма простой и рациональный. Дѣло въ томъ, что Павелъ Андреичъ постоянно понималъ военную живопись по своему и такъ называемыхъ баталаческихъ картинъ, съ большими массами нѣхоты

и конницы, съ дымомъ и правильными движеніями колоннъ, рисовать никогда не готовился. Область его была не тамъ, не посреди величественныхъ и разрушительныхъ картинъ боя массами: его въ тысячу разъ болѣе привлекало изображеніе эпизодовъ малой войны, биваковъ, перевозочныхъ пунктовъ, казарменныхъ уголковъ, — однимъ словомъ, сценъ немногосложныхъ и отличающихся отъ живописи домашнихъ сценъ только тѣмъ, что фигуры одѣты по военному и имѣютъ при себѣ оружіе. Часть эскизовъ, имъ набросанныхъ около этого времени, а еще болѣе планы будущихъ картинъ показываютъ справедливость этого заключенія. Между первыми особенно замѣчательны два: «*Французскіе мародеры въ русской деревнѣ*» и «*Переходъ всерей въ бродъ черезъ рѣку, на мандаркахъ*». И тутъ и тамъ мы видимъ собраніе характеристическихъ и забавныхъ эпизодовъ, сценъ простыхъ и доступныхъ всякому, фигуръ съ выраженіемъ въ лицахъ, такъ сказать, срисованныхъ врасплохъ и разбросанныхъ по произволу сочинителя. Что касается до картинъ задуманныхъ, то онѣ еще болѣе приближались къ живописи домашнихъ сценъ; самое ихъ названіе показываетъ, каковы должны были быть: онѣ вышли: между ними я помню, между прочимъ, «*Вечернія увеселенія въ казармахъ по случаю полкового праздника*» и «*Казарменную жизнь*», задуманную послѣ пересматриванія картинъ Гогарта. Этотъ послѣдній планъ чрезвычайно нравился Федотову. За эту картину многіе изъ пріятелей вѣчно ратоборствовали съ нимъ, хотя въ превосходномъ исполненіи картинъ не сомнѣвались.

Такъ прошло около четырехъ лѣтъ послѣ выхода Федотова изъ полка. Четыре года непрестанной, усиленной работы, по видному, не принесши съ собой ничего, кромѣ голословныхъ похвалъ и большого количества разныхъ плановъ. Съ каждымъ годомъ доходы Павла Андреевича становились недостаточны, потому что къ расходамъ на семейство и содержаніе себя прибавились издержки на краски, полотно, анатомическія книги и рисунки, наконецъ на плату первымъ натурщикамъ. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ Федотова можно было видѣть по вечерамъ или въ обѣденное время. Мнѣ случалось видѣть его обѣдъ, присылаемый отъ сосѣднихъ кухмистеровъ за плату, рѣдко превышавшую 15 коп. серебра; случалось находить его рисующимъ въ холодной комнатѣ, имѣя на себѣ сверхъ платья тулупъ и шинель. Всякій знаетъ, до какой степени бываютъ щекотливы, тягостны свиданія съ лучшими друзьями при такихъ условіяхъ; но Федотовъ составлялъ въ этомъ случаѣ благороднѣйшее и полнѣйшее изъятіе. Онъ весь бѣдность до такой степени тихо и просто, что всякое

стѣсненіе исчезало. Вы видѣли себя не въ присутствіи таинств
ливаго бѣдняка, охающаго и рисующагося перелѣ вами, но про
сто находились въ обществѣ вѣрнаго, добраго пріятеля, счастлив
ваго своимъ призваніемъ и не имѣющаго ни времени, ни охоты ду
мать объ удобствахъ жизни. Соболебновать о лишеніяхъ Павла Ан
дрейча, а еще болѣе тяготиться ихъ видомъ казалось мнѣ такъ же
страннымъ, какъ проливать слезы о томъ, что какой нибудь море
плаватель или естественспытатель не пользуется комфортомъ въ сво
ихъ странствованіяхъ. Во всѣ эти четыре года не случилось слышать
мнѣ отъ Федотова ни одной жалобы: онъ не любилъ шутить надъ
своимъ положеніемъ, какъ многіе люди съ эластическимъ харак
теромъ, но зато не смущался имъ никогда. Въ это время онъ по
временамъ сходилъ съ компаніей людей, слишкомъ беззаботныхъ
въ денежномъ отношеніи, любившихъ мотовство и свой взглядъ
на веселую артистическую бѣдность простиравшихъ до замѣча
тельной парадоксальности. Это юношеское, обильное, ориги
нальностью воззрѣніе на бѣдность отчасти возмущало Павла
Андрейча; его любимую фразою въ этомъ случаѣ было: «всѣ
вы, господа, бѣдняки-дилетанты! За всякимъ изъ васъ кто
нибудь стоитъ съ полнымъ карманомъ, *одми вы ни передъ
кѣмъ не стоите, никого не выносите на своихъ плечахъ!*» Вы
толкуете о веселой бѣдности, какъ я могу говорить о Швейцаріи;
сходясь поглядѣть на декорации «Соннамбулы». Истинной бѣдно
сти вы не знаете и должны благодарить Бога.» Но, понимая
всю печальную сторону бѣдности, извѣдая въполнѣ, что значить
выносить другихъ людей на своихъ плечахъ, нашъ художникъ въ
то же самое время сознавалъ, что въ этомъ дѣлѣ *«сказать пастесь
половина неудачи»*. Говоря о художникахъ, которые богаты, отсту
пившись отъ унорной работы для поставки скороспѣлыхъ произве
деній, Федотовъ ограничивался нѣсколькими словами, нелишними
колкости, при своемъ неоспоримомъ снисхожденіи: «Такой-то ни
шеть очень легко и мило. Онъ забылъ свою старую манеру. Чтѣ
дѣлать! ему надобно жить и хочется жить! Вильки подъ конецъ жизни
дѣлать то же, Гвидо-Рени, говорить, дѣлать то же.» Тутъ были
оправданіе и благородная терпимость; а между тѣмъ общій приго
воръ былъ очень строгъ: человѣка, спасовавшаго передъ нуждою
Федотовъ вѣумолимо вычеркивалъ изъ списка художниковъ, оста
ваясь за нимъ всѣ качества прекраснаго, умнаго, ловкаго, но слаба
го смертнаго.

Жанъ-Поль говорить, съ своей обычною глубиной мысли: «бѣд
ность то же, что операція протыканія ушей у молодыхъ дѣвушекъ.
Болезнь мѣсто заживаетъ, и его украшаютъ потомъ перлами и

брильянтами. Въ нуждѣ крѣпнеть дарованіе человѣка. Кто знаетъ, сколько таланта и поэзіи потребовано подъ горами золота!» Федотовъ не былъ фанатикомъ нищеты, подобно знаменитому германцу, (какъ и онъ, выносившему на своихъ плечахъ существованіе дорогихъ ему людей); взглядъ его въ этомъ случаѣ имѣлъ разумную двойственность, охватывавшую вопросъ съ каждой стороны. Глядя на жизнь Федотова «Старость Художника» (?), можно подумать, что твердый духъ его часто изнемогалъ подъ бременемъ нужды. Такое заключеніе будетъ едва ли справедливо: Павелъ Андреевичъ ирочталъ фазисы нищеты такъ, какъ и звучалъ онъ въ натурѣ лица трагичнѣйшихъ героевъ, не дѣлясь черезъ то трагичнымъ посягителемъ. Несомнѣнно то, что до своего знакомства съ Брюловымъ онъ не былъ совершенно увѣренъ въ своихъ силахъ и дѣйствъ по временамъ передъ собой печаленую старость; но мысль его объ этомъ предметѣ была не болѣе, какъ мыслю мопковедна о возможности быть убитымъ въ сраженіи. Оттого духъ его былъ постоянно бодръ, а манеры (даже въ періодъ изнуряющихъ усилій) могли назваться веселыми и непринужденными.

Въ эти годы Федотовъ любилъ говорить о художествѣ и художникахъ, особенно художникахъ молодыхъ и богатыхъ надеждами: его симпатія къ труду,нисходительность ко всякому начинанію были таковы, что, слушая его, можно было ожидать впереди цѣлой эры для отечественнаго искусства, цѣлаго созвѣздія новыхъ, превосходящихъ дѣятелей. Разказы его объ оригинальной жизни нѣкоторыхъ молодыхъ людей, посвятившихъ себя искусству, могли называться неподражаемыми; но Федотовъ оказывался очень строгъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые вредили будущимъ своимъ успѣхамъ разнузданною жизнію. «Мнѣ грустно думать — говорилъ онъ — что нѣкоторые художники еще до сихъ поръ подтверждаютъ своимъ страннымъ поведеніемъ нерасположеніе общества къ нашему брату. Старый предрассудокъ о томъ, что великій человекъ, посвятившій себя служенію изящнаго, есть непременно гулакъ, истребляется съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ нѣкоторая часть изъ нашего, художническаго круга будто нарочно вынуждаетъ на себя оужденіе! Въ

(?) Эскизъ этотъ известенъ друзьямъ Павла Андреевича. Изъ него несомнѣнно вышла картина яркаго, потрясающаго содержанія. Здѣсь онъ изобразилъ самою себя въ преклонныхъ лѣтахъ, посреди голодной семьи и беднѣйшей обстановки, лишающаго всякимъ, между тѣмъ какъ дворянскіе выносятся въ гробъ, и проч. Эскизъ этотъ истинно гогартовскій по смыслу, писанъ въ жанру унынія, но унынія не передъ нуждою, а передъ мыслію о предполагаемой слабости своего дарованія. Сомнѣніе въ своихъ силахъ часто томилъ душу Федотова въ годы приготавительнаго труда. Моемъ вытѣшнъ онъ совершенно охладѣлъ къ своему превосходящему эскизу.

нѣкоторыхъ изъ насъ еще таится несчастная, на бѣду къ намъ заброшенная идея о томъ, что отклоненіе отъ привычной идель рядомъ съ гениальностію. Есть еще до сихъ поръ художники (*), зараженные этой мыслью до того, что всякій тихій, трезвый, осмотрительный трудъ кажется имъ «достоинствомъ бабынъ». Они хотятъ жить и работать скачками, не зная мѣры въ трудѣ и увеселеніи: все у нихъ порывисто, ярко и какъ-то буйно. Бѣда въ томъ, что, сотворивъ пять или шесть скачковъ, они изнуряются, впадаютъ въ апатію и всю страсть берегутъ для однихъ увеселеній. Нѣтъ! мое мнѣніе всегда будетъ въ пользу ежеминутнаго труда и жизни самой воздержной, самой спокойной: есаибъ я могъ переслать это убѣжденіе въ души многихъ молодыхъ людей, своихъ сверстниковъ по искусству!

Одною изъ главныхъ причинъ душевнаго спокойствія, давняго Федотову, такъ много времени, силы и средствъ на все прекрасное, нужно назвать его необыкновенно здравый, практический и разумно философскій взглядъ на радости и печали жизни. Онъ любилъ красоту женщинъ, веселіе пировъ, изучалъ страсти какъ искусство, какъ артистъ, не былъ равнодушенъ къ блеску, пышности, изысканной обстановкѣ богатаго человѣка; но ему была рѣшительно незнакома лезва талантовъ нашего времени, именно: жажда сильныхъ ощущеній. У насъ былъ одинъ прекраснѣйшій и добрейшій товарищъ, вѣчно наслаждавшійся жизнью и увѣрившій, что онъ «не живетъ, а прозябаетъ». Это недовольство настоящимъ всегда вызывало Павла Андреича на противорѣчія. Толки юношей, готовыхъ отдать «вою свою безцвѣтную жизнь» за годъ «страстей и наслажденій», смѣшили Федотова точно такъ же, какъ разсѣивали бы приговоръ какого нибудь цѣнителя, вздумавшаго, изъ любви къ яркимъ сюжетамъ, дѣлать картины не по достоинству, исполненія, а по тому, что на нихъ изображается, ставя на первый планъ изображенія пожаровъ, убійствъ и изверженій Везувія. Одинъ разъ, въ маленькомъ собраніи умныхъ людей, при нашемъ художникѣ кѣмъ-то высказана была мысль такого рода: «Напрасно человѣкъ сталъ бы дѣлать событія жизни на событія великія. Для истиннаго человѣка каждая минута приноситъ съ собою событіе. Для него новая мысль есть событіе, взглядъ на картину есть событіе, постиженіе самаго скучнаго болтуна есть событіе. Если складъ ума, способнаго къ анализу, имѣетъ въ себѣ вѣчно художественное, то жизнь человѣка, обладающаго такимъ умомъ, есть море событій живыхъ и благотворныхъ. Для

(*) Должно считаться замѣтить, что слова эти сказаны имъ въ началѣ занятій Федотова.

такого человека не может быть скуки и въ какомъ-нибудь смыслѣ несчастія, ибо несчастіе есть бездѣйствіе.» Дѣйствіе этихъ словъ, Павелъ Андреичъ постоянно говорилъ о человекѣ, ихъ сказавшемъ, какъ «о славной головѣ и свѣтломъ сердцѣ». Его смутныя, сокровенныя убѣжденія всѣ получили ясность, всѣ были высказаны чужими человекомъ въ этотъ вечеръ.

Наконецъ наступилъ періодъ времени, пролившій столько радости на послѣдніе годы жизни нашего художника. Федотовъ вѣрилъ въ себя со дни своего знакомства съ Брюловымъ. Похвалы знатоковъ дѣла, членовъ Академіи, только подтвердили его увѣренность, но оставался главный шагъ—встрѣча съ публикою. Три картины Павла Андреича: «Сватовство», «Послѣдствія пирушки» и «Горбатый женихъ», поступили въ число произведеній, имѣвшихъ явиться на художественной выставкѣ. Первая вѣсть, которою я былъ встрѣченъ по приѣздѣ моемъ въ Петербургъ, осенью 1849 (*) года, наполнила меня радостью. Имя Павла Андреича гремѣло по городу. Его сослуживцы и друзья находились въ полномъ восхищеніи. Я бросился въ Академію и увидѣлъ въ одной изъ боковыхъ залъ великія толпы народа. Все пространство отъ картинъ до двери было запружено любопытными: еда-еда, съ помощью лорнета и приподнявшись на цыпочки, успѣлъ я усмотрѣть въ толпѣ, картины, столько мнѣ знакомыя. Художникъ Б., стоявшій около, передалъ мнѣ всѣ интересовавшія меня подробности о первыхъ дняхъ выставки и о томъ, какъ далеко разилась слава нашего общаго друга. Отъ него же узналъ я, что самъ Федотовъ часто бываетъ въ залѣ и прислушивается къ сужденію посѣтителей. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ предстало передъ нами веселое, но значительно постарѣвшее за лѣто лицо Павла Андреича.

Федотовъ провожалъ какихъ-то дамъ и, несмотря на всѣ свои усилія, не могъ пособить имъ пробраться къ картинамъ черезъ плотную массу зрителей. Уставъ и досадуя на свою неловкость, онъ пустилъ въ дѣло послѣднее средство.

— Господа, сказали онъ, тронуть двухъ или трехъ человекъ изъ задняго ряда! — пропустите на минуту автора.

При этомъ словѣ посѣтители почтительно раздвинулись и дали дорогу дамамъ. Федотовъ передъ тѣмъ дѣлалъ должностной визитъ и одѣтъ былъ въ мундиръ, безъ эполетъ, а вмѣсто каски имѣлъ онъ шляпу съ чернымъ перомъ, какъ носили во время его

(*) Выставка эта была трехъ-годовая; за нее Федотовъ получалъ званіе академика. «Послѣдствія пирушки» и «Горбатый женихъ» были уже на годичной выставкѣ 1847 года, вправдѣ неваж., но полная популярности произведеній Федотова начатъ къ сему «Послѣдствія пирушки».

отставки. Когда онъ отходилъ отъ картинъ, мы сошлись лицомъ къ лицу; послѣ различныхъ привѣтствій, условились этотъ день обѣдать вмѣстѣ, пригласивъ изъ числа товарищей тѣхъ, которые отыщутся дома.

Въ этотъ день я испыталъ множество отрадныхъ ощущений. Мнѣ случалось поздравлять людей, которые, по прекрасному выраженію Байрона, «спросившись въ одно утро, вдругъ увидѣли себя извѣстными»; случалось привѣтствовать лицъ, къ которымъ слава пришла неожиданно, безъ успій съ ихъ стороны и безъ зова. Но все это нисколько не сходствовало съ положеніемъ Федотова. Начавъ азбуку своего искусства въ лѣта, данныя человѣку для творчества, онъ цѣлыя лѣта держалъ бой неутомимый и безпощадный, — цѣлыя лѣта дѣлъ, поставивъ страшную карту, ждалъ, на которую сторону она выпадетъ. Дни, мѣсяцы и годы тяжкихъ лишеній, занятые работою, способной сокрушить силы пяти юношей, могли быть проведены напрасно: проснувшись въ одно утро, Федотовъ могъ увидѣть себя не посреди завоеванной славы, а до бычей горькаго огня, съ неспорной будущностью, бѣднымъ семействомъ на рукахъ, и сознаніемъ того, что время труда пропущено безъ возврата! И онъ наконецъ дождался конца тяжелой драмы, — онъ имѣлъ право сказать, что трудился не напрасно! Потому-то въ его славѣ было много трогательнаго и высокаго; она называлась дорогимъ оружіемъ, вырваннымъ у врага послѣ тяжелой битвы, а не щегольскимъ раззолоченнымъ трофеемъ, годнымъ на украшеніе красиваго кабинета!

И художникъ даже вполне зналъ ей цѣну. Онъ не прикидывался скромникомъ: мысль, что его знаетъ Петербургъ и скоро будетъ знать вся Россія, приводила его въ восхищеніе; онъ строилъ планы, насчетъ поездки въ Англію для изученія Вильки и Гогарта, раздѣлялъ передъ нами значеніе избраннаго имъ рода живописи и толковалъ о новыхъ задуманныхъ имъ картинахъ. При всемъ этомъ онъ обнаружилъ, по поводу своей извѣстности, нѣсколько особенностей, о которыхъ теперь нельзя подумать безъ удивленія. Во первыхъ, на печатныя себѣ похвалы глядѣлъ онъ съ совершеннымъ равнодушіемъ; — а въ послѣдствіи даже не читалъ ихъ вовсе. Можетъ быть, похвалы эти были нехорошо составлены; но дѣйствіе то, что ласковая похвала казалась ему живѣе и правдивѣе. Во вторыхъ, онъ не терпѣлся ни на какое противорѣчіе, какъ бы оно близко ни касалось его самыхъ душевныхъ теорій. Такъ, напримѣръ, за обѣдомъ, послѣ выставки, онъ много говорилъ о томъ, что каждое изъ его произведеній должно содѣйствовать къ исправленію нравовъ. Въ «Послѣдствіи пирушки» — ска-

заль онъ — всякій зритель усмотритъ вредъ отъ нерасчетливой жизни, отъ дурныхъ сообщниковъ «Сватовство» приведетъ на мысль унизительное положение праздного человека, ищущаго поправки обстоятельствъ посредствомъ мѣльнаго брака. Многие изъ присутствующихъ возстаютъ противъ этой теоріи.

— Павелъ Андреичъ, сказалъ ему одинъ изъ гостей: — эти уроки о вредѣ праздности и дурной компаніи скажетъ человѣку всякій писака, даже изъ бездарныхъ; всякій правоучительная сентенція попадаетъ въ цѣль вѣрнѣе художественнаго труда. Твоя сила не въ поученіи правовъ, или, если хочешь, въ поученіи, только не черезъ такую мораль, а черезъ зрѣлище извѣстнаго. Двигаясь тобою описаннымъ путемъ, можно прямо попасть на общія мѣста (lieux communs).

Это возраженіе послужило поводомъ къ большому спору, въ которомъ Федотовъ принималъ участіе такимъ образомъ, какъ будто бы вопросъ нимало его не касался.

Еще одною прекрасной чертой Павла Андреича была необыкновенная, искренняя снисходительность при оцѣнкѣ произведеній, писанныхъ современными художниками, даже художниками весьма неопытными. Рассказывая съ нимъ по чьей нибудь галлерей или по заламъ Академіи во время выставки, нужно было дивиться его безпристрастной, или, скорѣе, пристрастной въ хорошую сторону натурѣ. Для маленькой искры таланта онъ прощалъ всѣ ошибки; ее глушившія; если и таланта не было, онъ чтилъ трудолюбіе художника, хвалилъ выборъ сюжета, указывалъ на какую нибудь малѣйшую дѣльно-выполненную подробность. Людямъ, дающимъ волю своей зависти, стоило иногда подслушать эти оцѣнки.

— Не глядите на эти деревья: это вѣники, говорилъ онъ: — да вѣдь и старыя итальянцы писали вѣники на своихъ фонахъ. Обратите вниманіе на грацію головки! да вотъ на эту складочку. — А вотъ полюбуйтесь на этого голая, что стоитъ на колѣняхъ. Онъ въ восторгѣ: видно, что у него сердце хочетъ изъ груди выпрыгнуть. Освѣщеніе... ну да не зачѣмъ глядѣть на освѣщеніе! — А вотъ замѣтьте, что значитъ писать на память, безъ натуры, отъ себя: у этого сидящаго старика нога будетъ въ сажень, если ее вытянуть; зато какъ милы двѣ дѣвушки по сторонамъ. Писалъ французъ — французъ все прощается.

Терпимость Федотова могла назваться безграничною; даже въ его оужденіи всегда было нѣчто мягкое, смягчающее рѣзкость главнаго приговора. Мимо картинъ, плохихъ до крайности, проходилъ онъ молча и какъ бы торопливо: никогда не позволялъ онъ себѣ глумиться надъ бездарностью, наносить ударъ упавшему че-

ловѣку... *Трудъ* былъ для него *жизнью* — то священнымъ; никогда не выражая этой мысли отчетливымъ образомъ, онъ служилъ ей всю жизнь, въ мелочахъ и въ дѣлахъ первой важности, почерпая въ ней всю свою силу, все счастье своей жизни. Къ празднымъ людямъ онъ постоянно нувствовалъ некоторую антипатію, оправдывая себя такими словами:

«Я знаю, что человекъ безъ занятій, въ душѣ своей, врагъ какому-нибудь труждающемуся человеку!»

Сочувствіе Федотова къ дѣятельности его знаменитыхъ товарищей по Академіи было безпредѣльно: съ какимъ восторгомъ говорилъ онъ о гениі Бродова, какими радостными словами встрѣтилъ онъ блестящія начинанія г. Ридона! Никогда не забуду его словъ по полученіи извѣстія о смерти скульптора Ставассера:

«Умеръ еще одинъ великій художникъ! — умеръ, не показавъ намъ десятой части своего тосара!»

Грустные выраженія, будто проронившія собственную участь Павла Андреевича...

Въ эту же самую торжественную минуту случилось близкое знакомство съ Павломъ Андреевичемъ еще болѣе прежняго. Почти въ одно и то же время онъ перемѣнилъ свою квартиру, между тѣмъ какъ я занялъ для себя еще одну квартиру, у Большого проспекта; такъ что строеніе, въ которомъ жилъ Федотовъ, оказалось на половинѣ дороги между обоими жилищами его преданнаго друга, товарища и почитателя. Одинъ разъ, проходя въбѣжку по 21-й линіи, я услышалъ стукъ въ окно маленькаго, деревяннаго домика въ одинъ этажъ, и когда подошелъ поближе, мнѣ предстали неразлучныя фигуры художника съ его вѣрнымъ служителемъ.

— Мы съ вами опять финляндцы! кричалъ Федотовъ. (Казармы полка были видны изъ его оконъ.) — Входите же поскорѣе. Теперь мы будемъ видѣться всякій разъ, какъ вы того захотите.

Коршунцовъ, маленькій черныи человекъ съ смѣливымъ и умнымъ лицомъ, какъ у всѣхъ ярославцевъ, также очень довольный близостью полка, выбѣжалъ ко мнѣ и повелъ меня по двору, украшенному полу-разваливающимися сараями, наѣзжками и драхманъ-флигелемъ.

По внутреннему расположенію, эта квартира Федотова, въ домѣ господина **, была значительно хуже всѣхъ квартиръ, до того имъ занимаемыхъ: она вся состояла изъ маленькихъ снѣнъ и одной холодной комнаты, да еще чуланчика, гдѣ помещался слуга. Коршунцовъ, уже успѣвшій и съ своей стороны пристраститься къ искусству, съ довольнымъ видомъ указалъ мнѣ на стѣны своего помещенія, сверху до низу оклеенныя любочными картинками и мо-

уданными рисунками, отланными бариномъ въ его вѣнное владѣніе.

— Какъ же и мнѣ не заниматься художествами! прибавилъ онъ, весело смѣясь.

Комната Павла Андреича была вся зарюможена гнѣсовыми вещами, книгами и начатыми рисунками. Въ одномъ углу стоялъ манжель, съ перваго взгляда совершенно напоминавшій живаго чепухѣ; прямо противъ него помѣщался сѣвѣкъ съ Венеры Медицейской. Квартира стояла пять рублей въ мѣсяцъ; выбирая ее, Федотовъ гнался не за дешевой (ему нѣсколько разъ предлагали помѣщенія недорогая и удобныя), а за тѣмъ, чтобъ главная комната сходствовала съ комнатою, задуманною имъ для одной изъ своихъ картинъ. Сверхъ того оказывалось нужнымъ, чтобъ эта комната была не на солнцѣ, имѣла бы три окна да еще какія-то другія особенности. Къ сожалѣнію, весь трудъ (онъ искалъ такой квартиры нѣсколько мѣсяцевъ) оказался напраснымъ: планъ задуманной картины смѣнился другими планами; а за Федотовымъ осталось только колодое и безпокойное помѣщеніе, черезъ отѣну съ маленькими дѣтьми, кричавшими, бѣжавшими и плакавшими цѣлые сутки, безъ отдыха.

Впрочемъ, описанныя неудобства выкупались многими выгодами. Федотовъ принадлежалъ къ числу людей, для которыхъ общее мѣрilo удобствъ и неудобствъ, бѣдъ и радостей жизни вовсе не существуетъ. Мнѣ было истинно смѣшно, когда многіе прекрасные люди, побывавъ у него въ полу-разрушенномъ домикѣ, начинали соболѣзновать и судить о бѣдной обстановкѣ по своему.

«Во сколько разъ — можно было сказать имъ при этихъ случаяхъ — во сколько разъ нашъ художникъ счастливѣе васъ всѣхъ, господа, окруженныхъ довольствомъ и комфортомъ! Для него весь день состоитъ изъ отрадныхъ ощущений; онъ охотно желалъ бы, чтобъ его сутки имѣли сорокъ-восемь часовъ, тогда какъ вы, можете быть, не знаете, что дѣлать съ половиною вашего времени!»

И точно: радости Павла Андреича были почти непонятны людямъ, ужасавшимся при видѣ его убогаго помѣщенія. Не говоря уже о радости труда, объ удовольствіи извѣстности, о кружкѣ добрыхъ молодыхъ друзей, нашъ живописецъ видѣлъ цѣлые потоки наслажденій въ одной своей наблюдательной способности. Видъ снѣговой поляны передъ окнами, розовые сумерки зимняго вечера дѣлали его счастливѣе на весь день (*); всѣ жильцы дома: опфродни-

(*) У меня красота видѣ 20-й дѣлѣ, зимой, около сумерекъ, подаренный мнѣ Натомъ Андреичемъ. Около дома г. Наутѣ даѣ сумерѣ въ глубокѣ, изображеніи его самого являющ. со мною. Вся вещь донесена въ одно утро, на сланныхъ красками.

ни, слыша дѣвушка и старѣйшій морякъ, ходившій обыкновенно въ фуражкѣ съ половиною козырька, интересовали его, и онъ много зналъ ихъ нравы. Иногда мы посвящали утро и вѣтромъ — вечеръ, прогулкѣ на Смоленское кладбище, въ селеніе Галерной Галанинъ и всякій чеховскій, знавшій Федотова, не найдеть страннымъ, если я скажу, что подобнаго рода прогулки по отдаленнымъ захолустьямъ были для меня въ десять разъ интереснѣе бала, оперы, самой любопытной и рѣдкой книги. Вѣчно ровный по характеру, зоркій на все живописное, образованный совершенно по своему, неистощимый въ разговорѣ, понимавшій цѣну жизни такъ, какъ никто ее не понимаетъ, Федотовъ былъ похоть истинной самостоятельности, наблюдательности безграничной, но симпатической. Когда я бывалъ съ нимъ въ Петербургѣ, мнѣ казалось, что у меня во рту лишніе два глаза, и что лишняя голова сидитъ на моихъ плечахъ. Разказы этого человѣка, видѣвшаго на своемъ вѣку только Петербургъ и Москву, были живые, интересныя, неистощимыя, нѣмъ разказы многихъ людей, объѣзжавшихъ полъ свѣта. Сознаніе того, что жизнь его полна и вѣчно будетъ полною, надѣляло Федотова спокойствіемъ духа, способностью быть счастливымъ, — способностью, твердо стоявшею противъ всѣхъ враждебныхъ случайностей. Онъ никогда не торопился, ни къ чему не рвался; даже въ дѣлахъ любви онъ оказывался разсудительнымъ. Подъ угловатостью его манеръ, подъ сужденіями, для иныхъ казавшимися рѣзкими, таились деликатность духа, терпимость и уступчивость безконечная, спокойная въра въ силу труда, въ обязательность принятаго имъ на себя дѣла.

Отрадно подумать, что въ послѣдніе годы своей жизни Павелъ Андреевъ былъ истинно счастливымъ человѣкомъ, и, конечно, не пренебрегалъ бы своей участи на участь богача. Лучшимъ доказательствомъ этого довольства своимъ положеніемъ (кроме словъ самого художника) можетъ служить его совершеннѣйшая холодность ко всякому измѣненію въ своемъ образѣ жизни. Знакомства у Федотова было очень много, особенно послѣ выставки, и онъ знакомился съ людьми охотно; но, побывавъ въ новыхъ домахъ два-три раза, нагладившись на новыя лица, тотчасъ же возвращался онъ къ ряду своихъ обычныхъ занятій и развлеченій. Частыя приглашенія его тѣготили; разгульных же компаній онъ рѣшительно не любилъ. Вжорженіямъ энтузіастовъ въ свое номиненіе онъ бывалъ очень радъ, платилъ имъ виветы, дружился и потомъ опять закупоривался въ 21-ю линію. Между этими энтузіастами бывали и дамы; иногда хорошенькія и богатія, иногда очень расположен-

ныя въ пользу талантливаго художника; но Федотовъ и тутъ не поддавался искушенію, несмотря на свою всегданнюю, весьма извинительную слабость къ похваламъ и ласкамъ женщинъ.

Одно изъ приключеній въ такомъ родѣ, — приключеній, наврема возмущившихъ душевный покой Павла Андреича, заключалось въ слѣдующемъ. Молодая и богатая дѣвушка, ностоянно сѣдившая за успѣхами нашего художника, успѣвшая убѣдиться въ благородствѣ его души и другихъ достоинствахъ, открыто дала ему замѣтить, что готова, отказавшись отъ другихъ партій, терпѣливо выжидать того времени, когда еще нѣсколько лишнихъ шаговъ по пути къ извѣстности позволятъ Федотову предложить ей свою руку. Откровенный поступокъ дѣвицы, неоспоримо показывая въ ней присутствіе души благородной и юношеской, не могъ не подѣйствовать на Павла Андреича. Не называя особы и не вдаваясь въ исторію своихъ къ ней отношеній, одинъ разъ, въ искреннемъ разговорѣ, онъ передалъ все происшествіе, называя главное лицо героинею. Послѣ разказа, Федотовъ принялся развивать теоріи, воздвигнувшія съ моей стороны сильное противодѣйствіе.

— Эта женщина — говорилъ онъ — теперь получаетъ полную власть надо мною. Меня слишкомъ мало любили и цѣнили въ мою жизнь; я обязанъ всѣмъ особѣ, полюбившей и оцѣнившей меня въ настоящее время. Я чувствую, что съ прекращеніемъ одинокой жизни кончится моя художническая карьера. Мнѣ принесена жертва, и, *можетъ быть*, я отвѣчу на нее жертвою.

Таковъ былъ общій смыслъ его длинныхъ рѣчей, и вообще онъ находился въ волненіи скорѣе тягостномъ, чѣмъ отрадномъ.

Аргументы мои, о которыхъ я долженъ упомянуть затѣмъ, чтобъ послѣдующія замѣтки Федотова были понятны, заключались въ слѣдующемъ. Дѣвица, отказавшаяся отъ выгодныхъ партій и рѣшившаяся выжидать брака съ знаменитымъ, любимымъ, хотя небогатымъ челоѣкомъ, по моему пониманію, поступала очень благородно, умно; но героизма въ ея поступкѣ я не примѣчалъ никакого. Федотовъ имѣлъ чинъ, званіе академика (*); репутацію, связи; бѣденъ онъ былъ не по отсутствію потребности на его трудъ, но по

(*) Въ 1850 году, 3 декабря, въ прибавку къ получаемому Федотомъ содержанію изъ Государственнаго Казначейства, назначено было ему производить изъ Академіи, насчетъ суммы для ободренія художниковъ, отпускаемой изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, по триста рублей серебромъ въ годъ, какъ во уваженіе его дарованій, такъ и потому, что онъ, при исполненіи картинъ избраннаго имъ рода живописи, долженъ имѣть значительные расходы на наемъ людей и пріобрѣтеніе другихъ необходимыхъ при работѣ вещей. (Изъ свѣдѣній, полученныхъ отъ Императорской Академіи Художествъ.)

тому, что самый труд еще выполнялся медленно; совладать съ мелочами техники, нашъ художникъ могъ. Онъ бы сказалъ самъ себѣ: «теперь и я и мои родные обезпечены!». Жертвы, требующей въ награду другой жертвы, не оказывалось. Самые толки о жертвѣ и героизмѣ заставляли меня думать, что Павелъ Андреичъ въ этомъ дѣлѣ любить скорѣе головой, чѣмъ сердцемъ.

Въ отвѣтъ на мои замѣчанія покойный художникъ сказалъ мнѣ, своимъ отрывистымъ и картиннымъ языкомъ, котораго я передавать не берусь, нѣсколько мыслей, кидающихъ яркій свѣтъ на то, какъ понималъ онъ свою жизнь и свое назначеніе. Изъ словъ его было видно, что онъ считаетъ трудъ упорный, трудъ неотступный величайшимъ наслажденіемъ въ жизни, что быть умныхъ, милыхъ, но праздныхъ людей кажется ему достойнымъ жалости, что каждый день его есть одна цѣль событій, мыслей, замысловъ, радостей при успѣхѣхъ, усиленной работы при вымыслѣхъ, что онъ увѣренъ въ своихъ силахъ и будущей славѣ, что ему знакомо только одно горе: бѣдное положеніе его престарѣлаго отца съ семействомъ.

— Подумали ли вы о томъ, прибавилъ онъ наконецъ: — сколько постороннихъ радостей, сколько вредныхъ искусству заботъ повлечетъ за собой моя тѣсная связь съ богатымъ семействомъ, наконецъ моя жизнь семейная. Меня не станетъ на двѣ жизни, на двѣ задачи, на двѣ любви — къ женщинѣ и къ искусству. Развѣ затѣмъ я долженъ принять ея руку, чтобъ оставить ей одни заботы и хлопоты, а самому, вдали отъ нея, вести ту жизнь, безъ которой я не могу впередъ двигаться? На прошлой недѣлѣ мы провели съ вами отличный вечеръ, шатались по дальнимъ улицамъ, представляя, будто мы нанимаемъ углы отъ жильцовъ, — шатались, подсмотрѣли десятки сценъ; голова моя обогатилась, я задумалъ нѣсколько новыхъ эскизовъ. Возможны ли подобныя занятія при семейной жизни? Нѣтъ! чтобъ идти, и идти прямо, я долженъ оставаться *одинокимъ звѣздой* до конца дней моихъ. Моего труда въ мастерской только десятая доля: главная моя работа на улицахъ и въ чужихъ домахъ. Я учусь жизнью, я тружусь глядя въ оба глаза; мои сюжеты разсыпаны по всему городу, и я самъ долженъ ихъ разыскивать. Свѣтъ сердится, когда люди умѣютъ быть счастливыми безъ него, и я не намѣренъ ссориться со свѣтомъ.

Нетрудно предположить послѣ такого взгляда на вещи, что образъ жизни Павла Андреича былъ довольно оригиналенъ. Еслибъ онъ имѣлъ время и прихоть вести свой журналъ, мы обладали бы автобіографіею несравненно въ своемъ родѣ, — автобіо-

градею, изъ которой художники послѣдующихъ поколѣній могли бы почерпнуть готовые сюжеты для картинъ. Просиживалъ Федотовъ очень рано, раскрывалъ форточку, несмотря на погоду, иногда просовывалъ туда голову, дышалъ холоднымъ воздухомъ, иногда заглядывалъ на дымъ отъ трубъ, на изморозь, на свѣжую траву или на проходящихъ пѣшихъ. Потомъ его обдѣвали холодной водою, одѣвали, смотря «по сезону» (его слово), въ пальто или теплую шинельку — и Павелъ Андреичъ, нахлобучивъ теплую фуражку самаго некрасиваго вида, устремлялся по дорогѣ къ Большому проспекту. Такъ какъ линія была и длинна и пуста, то онъ успѣвалъ обыкновенно согрѣться, не развлекаясь обиліемъ интересныхъ предметовъ. На проспектѣ онъ начиналъ наблюдать и заставаться тамъ, гдѣ почему нибудь толпился народъ кучками. Ему попадались писцы, отправлявшіеся въ должность, финляндскіе солдатики, скидававшіе, по старой памяти, передъ нимъ шапки, потомъ хозяйки, въ сопровожденіи горничныхъ, идущія къ рынку, художники, подвигающіеся по направленію къ Академіи, а наконецъ разношники и купечество окрестностей Андреевскаго рынка. Направленіе прогулокъ часто перемѣнялось. Сколько я могъ замѣтить, Федотовъ въ этомъ отношеніи держался только одного правила: не ходилъ тамъ, гдѣ мало бываетъ народа. Заставъ его послѣ такой прогулки, уже можно было бесѣдовать съ нимъ полъ-дня, не исчерпавъ всѣхъ предметовъ, имъ подмѣченныхъ. Тамъ онъ видѣлъ чухонцевъ, игравшихъ въ носки у дворника; у одного носъ уже былъ красенъ, *формою своею сходствуя съ кактусомъ*. Въ другомъ мѣстѣ ему удалось мѣтти слѣдомъ за двумя толстыми дѣвочками, отправлявшимися въ пансіонъ, при чемъ было открыто подъ плапкой ушко маленькое и прозрачное, какое рѣдко кому видѣть случалось. Потомъ на встрѣчу попался отставной морякъ, съ половиной козырька; борода у него была какъ *серебряная скребница*; добрый старикашка сообщил кое-что очень любопытное о своемъ свиданіи съ лордомъ Нельсономъ въ Пеаполѣ. Потолковавъ съ морякомъ, Федотовъ толкнулся было къ одному своему должнику, который встрѣтилъ его въ самомъ утреннемъ неглиже, безъ халата, будто желая показать, что *отъ меня, братъ, взять нечего*! Потомъ повстрѣчался одинъ манеръ Васильевскаго Острова, въ венгерѣ; у этого борода была выбрита, но онъ такъ рѣдко имѣлъ привычку бриться, что Федотовъ, прильнувши видѣть у него щетину на подбородкѣ, сперва не узналъ своего пріятеля. Около домика, гдѣ живетъ *та черноглазая*, онъ заглянулъ въ окно и узрѣлъ бѣднаго мужа, забывшагося въ уголѣ, между тѣмъ какъ сожительница кричала на весь домъ и прохожіе останавливались. И все это, рассказывалось такъ, какъ немногіе

умѣютъ разсказывать, а сверхъ того вся рѣчь сопровождалась шуткой, веселымъ смѣхомъ, мѣткими словцами, какой нибудь подробностью, которая такъ и носилась передъ вашими глазами.

За прогулкой слѣдовалъ чай, котораго одинъ стаканъ, совершенно простывши, цѣлое утро стоялъ около красокъ, и, вмѣстѣ съ чаемъ, капитальная работа. О взыскательности Федотова къ самому себѣ, о его геройской добросовѣстности (извольте высидѣть цѣлые сутки надъ отдѣлкою подсвѣчника, когда вся картина готова и сторгована!) говорить я не буду: найдутся люди, которые обо всемъ этомъ скажутъ свое слово. Скажу только, что, проходя и проѣзжая почти ежедневно, въ одиннадцатомъ часу, мимо домика, гдѣ обиталъ Павелъ Андреичъ, и потому заходя къ нему въ недѣлю раза два, на нѣсколько минутъ, я часто бывалъ свидѣтелемъ особенностей, о которыхъ нельзя умолчать. Иногда фигуры, на окончаніе которыхъ шелъ цѣлый мѣсяцъ, вдругъ являлись замазанными, стертыми; иногда въ день наработано было болѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли усиленнаго труда. Иногда я заставалъ всѣ картины въ сторонѣ и передъ художникомъ пустую доску, бумагу или полотно.

— Не стану ничего дѣлать до тѣхъ поръ, пока не выучусь писать красное дерево, такими словами встрѣчалъ меня Федотовъ. — Вчера я не могъ справиться со стуломъ. Не отойду, пока не выучусь.

Въ другой разъ, не бывъ у Федотова съ недѣлю, захожу утромъ и вижу новую картину — «Мадонну съ младенцемъ»!!

— *Штука вотъ какого рода* (*), говорилъ опять Павелъ Андреичъ, смѣясь моему изумленію. — Эта мысль не давала мнѣ покоя, и я захотѣлъ испробовать свои силы. Сверхъ того, мнѣ нужно добыть себѣ мягкости, граціи, неземной красоты въ лицахъ.

«Вдовушка» показала, что этюдъ Федотова не могъ назваться напраснымъ.

Одинъ разъ, въ маѣ мѣсяцѣ (это случилось дней за десять до нашей послѣдней разлуки), проѣзжая мимо квартиры нашего художника, я услышалъ знакомый стукъ въ окна, и какъ погода стояла теплая, то вслѣдъ за тѣмъ выбѣжалъ ко мнѣ самъ Павелъ Андреичъ, въ легонькомъ пальто и безъ шапки. На лицѣ его была написана великая радость, глаза весело сверкали.

*) Поговорка, которую онъ въ жаркомъ разговорѣ употребилъ безпробавно.

— Заходите, заходите живѣе, кричалъ онъ: — дорожно, что вы были у меня вчера... вы увидите вещь, за которую меня нѣмой можетъ ославить лгуномъ.

Мы вошли въ описанную мной комнату, пробрались между разнымъ хламомъ въ окну, у котораго еще вчера стояла картина (то была вторая или третья копія «Вдохуши»), еще вчера не представлявшая ничего, кромѣ начерно набросанной фигуры, стертаго лица и двухъ-трехъ отдѣланныхъ аксесуаровъ. На мѣсто этой нещи стояла, по видимому, другая, почти совершенно оконченная на всѣхъ трудныхъ пунктахъ, съ готовымъ лицомъ и платьемъ, со множествомъ щегольски отдѣланныхъ медодей.

Вы шутите надо мной, Павелъ Андреевичъ, сказалъ я: — неужели это дѣло одного вечера и одного утра?

— И одной ночи, прибавилъ художникъ. — Нынче, слава Богу, рано разсвѣтаетъ. Со мной произошла штука, феноменъ, чтобы сказать благообразнѣе, о которомъ я до сихъ поръ понятіе имѣлъ только приблизительно. У меня будто искра зажглась въ головѣ; я не могъ спать, я чувствовалъ въ себѣ силу чрезвычайную; мнѣ было весело; я сознавалъ каждой жилкой то, что я могъ въ эти минуты сдѣлать. Никогда не доводилось мнѣ работать съ такой легкостью и такъ успѣшно: каждый штрихъ ложился куда слѣдовало, каждое пятнышко краски подвигало все дѣло. Я вижу, что иду впередъ. Какъ ловко и весело трудиться такимъ образомъ! (*)

Вернемся, однако, къ дню Федотова. Изъ того что разсказанныхъ подробностей читатель можетъ составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, каково шли его утреннія работы. Если результатъ бывалъ ровненъ, зато самый трудъ всегда могъ назваться пламеннымъ и неотступнымъ; часовъ шесть проходили, какъ одинъ мигъ, и къ тремъ часамъ наступало время отдыха. На нѣсколько минутъ Павелъ Андреевичъ развлекалъ себя чтеніемъ или сочиненіемъ стиховъ (**), а потомъ начиналъ одѣваться для выхода, обыкновенно самъ не рѣшаясь, куда отправиться. Въ это время можно было его перехватить и увести съ собой обѣдать;

(*) Въ тотъ же день, Федотовъ показавъ свой трудъ г. художнику Жемчужникову. Тотъ, любящій отдѣлкой «Вдохуши», сказалъ ему: «Какъ это хорошо и какъ просто!» Павелъ Андреевичъ отвѣчалъ весьма мѣтко: «да, будетъ просто, какъ чирокъ, разъ се сто!»

(**) О литературныхъ трудахъ Федотова я не могу говорить съ полнымъ безпристрастіемъ: по моему мнѣнію, эти труды вредили Павлу Андреевичу, утомляя его безъ нужды, тогда какъ излишнее утомленіе было для него вреднымъ. Если это мнѣ удастся, какъ я того желаю, современныя приготовить подробную біографію нашего художника, въ ней я поговорю о стихахъ покойнаго.

въ отвѣтъ на приглашеніе, онъ обыкновенно отвѣчалъ утвердительно, слѣдовалъ за вами на улицу, выбиралъ давяннй путь и дорогою весь отдавался бесѣдѣ.

За обѣдомъ, обыкновенно, языкамъ давилась чистая свобода; начинались анекдоты, разеказы, воспоминанія о прочитанныхъ или слышанныхъ новостяхъ, толки объ искусствѣ и новыхъ картинахъ, излоскеніе сюжетъ, подмоторенныхъ за послѣдніе дни. Если въ числѣ собесѣдниковъ находились лица незнакомыя, нашъ художникъ оживлялся только къ концу стола, а до тѣхъ поръ искусство разглядывалъ каждый новаго человека, дѣлая это такъ, что его наблюденія никому не попадались въ глаза. Впослѣдствіи онъ любилъ провѣрить свои наблюденія, осведомлялся о занятіяхъ и характерѣ каждой особы, имъ встрѣченной, обрисовывалъ каждую двумя-тремя мастерскими замѣтками; проблески сатиры и ироніи, всегда почти примѣшавшіяся къ этимъ отзывамъ, устремлены были на мелкія странности, которыми онъ самъ не давалъ важнаго значенія. Людей совершенно не правившихся Федотову я вовсе не знаю: онъ могъ назваться виртуозомъ въ обращеніи съ себѣ подобными и изъ самыхъ незначительныхъ личностей извлекалъ все, что только онѣ могли ему доставить. Въ Федотовѣ нежного, къ хорошимъ блюдамъ оказывался до крайности равнодушенъ; изъ винъ любилъ только старый рейнвейнгъ; ни разу во все наше долгое знакомство не случилось мнѣ видѣть, чтобъ онъ выпилъ за столомъ болѣе двухъ или трехъ рюмокъ. Если слишкомъ угодливый хозяинъ начиналъ его упрашивать на этотъ счетъ, онъ всегда отговаривался слабостью глазъ, ежедневно утомляемыхъ и раздражаемыхъ безжалостнѣйшимъ образомъ. По этой послѣдней причинѣ, Павелъ Андреичъ любилъ обѣдать только у самыхъ близкихъ знакомыхъ, запросто. Для него послѣ-обѣденный сонъ былъ лучше всѣхъ глазныхъ лекарствъ, и онъ радовался, когда въ сумерки, черезъ полъ-часа послѣ кофе, хозяинъ уводилъ его въ свой кабинетъ для отдыха. Когда намъ случалось обѣдать вѣстѣ, въ исходѣ пятаго часа мы удалялись въ Федотовыхъ въ длинную, слабо-освѣщенную комнату, съ неизмѣримымъ диваномъ во всю стѣну, и, улегшись на противоположныхъ его концахъ, говорили другъ другу: «теперь будемъ спать сколько сами того пожелаемъ.» Впрочемъ, при этихъ случаяхъ заснуть намъ рѣдко удавалось, а болѣею частью мы только болтали, лежа съ закрытыми глазами, забываясь на минуту въ промежуткахъ разговора. Павелъ Андреичъ ложился первымъ, но засыпалъ послѣднимъ изъ двухъ; если около дивана валялась какая-нибудь книга, онъ ее раскрывалъ и, посреди полу-

мира; утонял свои глаза пуще прежнего. Потомъ начинались толки о прочитанномъ, о которыхъ я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ грусти и стѣсненія сердца: такъ новы, самостоятельны, въ высшей степени поучительны оказывались эти замѣтки! Со страстью подымая каждое новое свѣдѣніе, каждую мысль, даже каждое мѣткое выраженіе, видя во всѣмъ трудъ даже, что болѣе, чѣмъ, можетъ быть, я не думалъ сказать иносатель, нашъ художникъ ко всей своей зоркости и симпатіи присоединялъ свѣжесть взгляда, которой не добьешься годами усилій. Онъ читалъ немного, не имѣлъ понятія о критическихъ теоріяхъ, не слѣдилъ за политикою, журналы и распри, русскія и иностранныя, были для него темъ инеогномъ. Въ поэзіи и литературѣ онъ желалъ видѣть пособіе своимъ трудамъ, возвышенное развлеченіе, цѣлый міръ благородныхъ и свѣтлыхъ мечтаній. Оттого съ нимъ можно было говорить о всякой точкѣ въ области старой и новой словесности, о литературныхъ дѣлахъ, давно рѣшенныхъ свѣтомъ, о новыхъ жившихъ, о совершенной старинѣ: на всякій вопросъ вы получали новыя челоуѣка, чуждая предразсудкамъ и млада-таго на вѣщи: съ своей собственной точки зрѣнія. Иногда Федотову попадалась въ руки книга, твореніе, давно уже признанное слабымъ твореніемъ: не вѣдая общаго суда, не имѣя способности вѣрить цѣнителямъ на слово, онъ подступалъ къ книгѣ съ любоуію, и нужно было видѣть, сколько мыслей и матеріаловъ извлекалъ его пылкій умъ изъ вещей, по вѣданию, вялой и заброшеннои! Какъ безцвѣтный лучъ, проходя стекло призмъ, дробится на яркіе, радужные лучи, такъ точно вымывались поэта восторженнаго становились новы и яркіе, проходя черезъ свѣтаую лоту Навла Андреича. Ему все было хорошо, все интересно; о самой бездарности могъ онъ говорить охотно и весело, сама бездарность стала наблюдений и нагрядала за наблюдение. Въ глазахъ челоуѣка, имѣющаго наклонность къ педантизму, къ поклоненію чужимъ мыслямъ, Федотовъ могъ вѣчно быть за безнадѣжнаго оригинала; и точно его сужденія иногда могли казаться странными для людей не очень къ нему близкихъ; но если кто подѣл странностью этой умѣлъ распознавать оригинальность взгляда, то для такого челоуѣка литературныя воззрѣнія Федотова становились дороги чрезвычайно.

— Старые русскіе писатели были въ знакомы Навлу Андреичу: но говорить о нихъ онъ не имѣлъ обыкновенія, перечитывать же позволялъ себѣ одного Фонъ-Визина. Изъ новыхъ онъ страстно любилъ Крылова, къ твореніямъ Пушкина и Гоголя былъ холоденѣе, нежели того можно было ожидать. Я не знаю, читалъ ли онъ

«Мертвые Души» больше одного разу (*). Холодность эту я не могу объяснить ничѣмъ другимъ, кромѣ недосуга и отсуствия системы въ чтеніи. О стихотвореніяхъ Лермонтова имѣлъ онъ довольно смутное понятіе до тѣхъ поръ, пока ихъ томики не попали ему какъ-то подъ руку. Во время чтенія, восторгъ его, какъ обыкновенно у воспримчивыхъ людей, принялъ размѣры даже слишкомъ великіе; онъ говорилъ безпрестанно:

— Боже мой, неужели человѣкъ можетъ высказывать такіа чудеса въ одной строкѣ!... За два такіа стихотворенія — два года жизни!... Это галерея изъ трудовъ великаго мастера!... Пушкинъ ничто передъ этимъ человѣкомъ.

Никогда не забуду того чувства, съ которымъ онъ прочелъ разатрицать рядъ эти два стиха, брилліанты русской поэзіи:

Нагая степь синѣетъ и въicom
Серебрянымъ Кавказъ ее обгемлетъ...

— Я не бывалъ на Кавказѣ, прибавилъ онъ, прочитавъ ихъ съизнова. — Послѣ этихъ двухъ стиховъ я болѣе знаю видъ края, чѣмъ иной, съѣздившій туда нѣсколько разъ. Съищите мнѣ еще что нибудь о Кавказѣ.

Я открылъ ему сперва «Выхожу одинъ я на дорогу», потомъ «Въ полдневный зной, въ долину Дагестана».

— Полно, полно! сказалъ Павелъ Андреечъ, принимаясь за нихъ: — эти стихи могъ только написать богатырь, въ минуту скорби, несмысленной!

Въ области нашей новѣйшей словесности знакомы были ему только три или четыре имени. Ему нравилась комедія г. Остроумскаго «Свои Люди»; одинъ разъ, слушая чьи-то неблагоприятные отзывы о комедіи «Бѣдная Невѣста», Федотовъ выразился весьма тріумфально, но крайне картиннымъ образомъ: «Чего вы досаждаете на автора — сказалъ онъ — вся его вина въ томъ, что послѣ первой комедіи онъ не далъ себѣ настояться. Нашъ братъ наблюдатель: то же, что бутылъ, съ наливкой: вино есть, агоды есть — нужно уметь только разминать во время.» — Французская и англійская словесность были знакомы Федотову въ ихъ общихъ чертахъ. Живописцы давно уже замѣнены въ нѣсколько пошломъ взглядѣ на труды поэтовъ и балетмейстеровъ: для нихъ картинность описаній обыкновенно есть первое дѣло, а ин-

(*) Тѣмъ не менѣе онъ очень уважалъ Гоголя и на одномъ вечерѣ, послѣ долгаго разговора съ авторомъ «Бульбы», сказалъ похвалку одному изъ присутствовавшихъ: «Приятно слушать похвалу отъ такого человѣка! Это лучше мнѣ печатныхъ похвалъ!»

гѣ; но Павелъ Андреевичъ не раздѣлялъ этого весьма понятнаго и извинительнаго взгляда. Онъ былъ безъ ума отъ психологическаго анализа въ романахъ Байзака. Изъ англичанъ, сколько могу припомнить, его любимцами были В. Ирвингъ и лордъ Байронъ. По книгамъ Байрона онъ учился языку, но вскорѣ долженъ былъ оставить уроки, не имѣя на то достаточно времени.

Грецію Павелъ Андреевичъ любилъ пламенно, но изъ древнихъ читалъ только Гомера въ русскомъ и Аристофана во французскомъ переводахъ. Мнѣ кажется, будто я вижу его перелѣ собою сейчасъ послѣ прочтенія первыхъ книгъ «Иліады». Запасишь двумя большими томами гнѣдичева перевода, Федотовъ куда-то исчезъ дня на три; потомъ мы встрѣтились съ нимъ на улицѣ, и такъ какъ дѣло происходило весною, то вошли въ старый садъ, принадлежавшій къ моей второй квартирѣ. Во время прогулки по темной аллеѣ нашъ художникъ сталъ передавать мнѣ все наслажденіе, имъ испытанное при чтеніи Гомера. Всѣ книги, когда либо имъ читанныя, были ничто передъ «Иліадою». Гомеръ оказывался «старичишкой, передъ которымъ нужно было упасть на колѣни и плакать». Тутъ я подивился необыкновенной памяти и артистической зоркости Федотова: за эти нѣсколько дней онъ будто изучилъ первую часть «Иліады» въ эстетическомъ отношеніи и, передавая красоты, особенно его поразившія, не пропустилъ мелкихъ подробностей. Онъ замѣтилъ, какъ кстатъ Гекторъ «раздвигаетъ ноги», чтобъ выломить дверь ахейской стѣны, и какъ страшно загудѣлъ мѣдный щитъ Аякса, отразивъ камень, кинутый Гекторомъ. О главныхъ красотахъ говорить нечего: сцена, когда малютка Астіанакъ

назадъ, пыширизой кормилицы къ дону
 Съ крикомъ припалъ, устрася любезнаго отчаго вида,
 Яркую мѣдью испуганъ, и гребень увидѣвъ косматой,
 Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой....

привела его въ неописанное восхищеніе. «Вотъ что можетъ назваться — замѣтилъ онъ — стать однимъ прыжкомъ выше всей вселенной! Дальше этой сцены не пойдетъ ни поэзія, ни живопись. И некуда идти дальше: это совершенство.»

Продолжая говорить такимъ образомъ, Федотовъ далъ себѣ слово посвящать хотя одинъ часъ въ день на чтеніе древнихъ авторовъ, «изъ которыхъ больше выучишься, чѣмъ переглядѣвъ всѣ галереи картинъ на свѣтѣ.» «И вообще — прибавилъ онъ — только съ нѣкоторыхъ поръ я началъ сознавать всей душою, что *всѣмъ художникамъ новаго періода не можетъ жить безъ чтенія*. Я знаю:

шихъ, обворожительныхъ разсказовъ. Одинъ разъ, между прочимъ, не довольствуясь компаніей райка, онъ поднялся еще выше — въ какую-то тусклую пустыню: тамъ, огороженная рѣшоткой, представилась ему дыра, изъ которой спускается люстра. Пока Федотовъ наслаждался обзорѣваніемъ вновь открытой имъ обители, какой-то мужикъ въ тулупѣ подбѣжалъ къ нему и сталъ укорить его за то, что онъ осмѣлился направить свои стопы туда, гдѣ не бываетъ ни одинъ смертный изъ числа театральныхъ посѣтителей. Угрюмый тонъ сторожа не смутилъ Федотова: онъ началъ предлагать ему полтинникъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ позволилъ ему взглянуть хоть разокъ въ пропасть, освѣщенную люстрой: «Ступай вонъ — возразилъ на это неподкупный служитель — говорить тебѣ, пошелъ во свояси, убирайся подобру, поздорову. Никому не позволено смотрѣть въ эту дыру, слышь ты!» Между тѣмъ новый актъ начался, и Павелъ Андреичъ утѣшенъ былъ за свою неудачу слушаніемъ «Гугенотовъ» и наблюденіемъ надъ своими оригинальными сосѣдами. Понятно, какими изобиліемъ замѣтокъ обогащался онъ послѣ всякой оперы.

Еще однимъ великимъ, хлопотливымъ, требующимъ большихъ издержекъ, но зато чрезвычайно благороднымъ занятіемъ въ жизни Павла Андреича было изученіе природы, потребной для сочиненія той или другой картины, дѣятельно подвигаемой впередъ. Чтобы понять, до какой степени этотъ трудъ былъ великъ, нужно вспомнить необыкновенную добросовѣстность Федотова и его глубокое отвращеніе къ рисовкѣ предметовъ *изъ головы*, то есть безъ природы передъ глазами. Такъ, напримѣръ, при отдѣлкѣ «Сватовства», Федотову прежде всего понадобился образецъ комнаты, приличной сюжету картины. Подъ разными предлогами, онъ входилъ во многіе купеческіе дома; придумывалъ, высматривалъ и оставался недовольнымъ. Тамъ хороши были стѣны, но аксессуары съ ними не ладили; тамъ годилась обстановка, но комната была слишкомъ свѣтла и велика. Одинъ разъ, проходя окомъ какого-то русскаго трактира (близъ Гостиннаго Двора, если не ошибаюсь), художникъ примѣтилъ сквозь окна главной комнаты люстру съ закованными стеклышками, которая «такъ и глѣзла сама въ его картину». Тотчасъ же зашелъ онъ въ таверну и съ неописаннымъ удовольствіемъ нашелъ то, чего искалъ такъ долго. Стѣны, вымазанныя желто-бурую краскою, картины самой наивной отдѣлки, потолокъ, изукрашенный расписными «пукетами», пожелтѣвшія двери, — все это совершенно согласовалось съ идеаломъ, столько дней носившимся въ воображеніи Федотова.

Быва только одолѣть онъ первую трудность, являясь тысячами другихъ. Нужно было сыскать оригиналъ кушча, застегивающаго краѣтанъ, его жены, удерживающей (на картинѣ) невѣсту за платье; невѣсту, прислугу, жениха, кисейное платье, разные эскесурныя вещи, необходимыя для картины. Розысканіе живыхъ типъ по широкому Петербургу, не могло быть въ тягость нашему наблюдателю, найти лица не было дѣломъ очень тяжелымъ; но гдѣ было достать денегъ на плату натурщикамъ, не входя въ долги и не лишая своихъ родныхъ получаемой ими части? Обращаться къмъ нибуль Федотовъ не любилъ, долги же боялся, какъ болѣзни, лишающей человѣка веселости и независимости. И вотъ, жертвуя своимъ скуднымъ достаткомъ тамъ, гдѣ оно оказывалось необходимымъ, Павелъ Андреичъ все-таки сумѣлъ одолѣть наибольшую часть своей задачи и пріятнымъ и выгоднымъ образомъ. Какой-то добродушный купецъ (честь ему, за то и слава) охотно оогласился дать скопировать сврю особу, одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ самъ вызвался служить натурой для жениха, безпрекословно облачаясь въ мундиръ и стоя на одномъ мѣстѣ столько времени, сколько того быдо угодно Федотову. На Толкучемъ и на Андреевскомъ рынкахъ нашъ живописецъ высмотрѣлъ нѣсколько старухъ и сидѣльцевъ, пригласилъ этотъ народъ къ себѣ, угостилъ чаемъ, нанялъ за сходную цѣну и во время работы побесѣдовалъ съ ними такъ, какъ только онъ умѣлъ бесѣдовать. Платья, мебель и мелкія вещи взяты были у пріятелей, а предметы такого же рода, слишкомъ старые и загрязненныя, выбирались изъ лавокъ или рестораций.

Когда требовалось заготовлять все нужное для писанія картины и, такъ сказать, расчищать себѣ дорогу для опредѣленной цѣли, Павелъ Андреичъ оказывался неутомимѣйшимъ изъ смертныхъ. Одинъ разъ онъ съѣздилъ въ которое-то изъ женскихъ учебныхъ заведеній Петербурга для свиданія съ одною изъ родственницъ и, возвращаясь оттуда, задумалъ картину, подъ названіемъ «Пріѣздъ Государя Императора въ *** Институтъ». На этой картинѣ, которой нѣжный и трогательный сюжетъ не можетъ даваться ни въ какихъ поясненіяхъ, Федотовъ имѣлъ въ виду изобразить болѣе сотни дѣтей и взрослыхъ дѣвушекъ, но изобразить такъ, чтобы зрителю эти дѣти и дѣвушки казались какъ будто существами знакомыми и когда-то видѣнными. На приготавительныхъ трудахъ по этому случаю можно было действительно усмотрѣть изобиліе женскихъ и дѣтскихъ типовъ, начиная отъ загорелой кудрявой рѣзвухи до задумчивой дѣвочки, и отъ прачиной малютки до совершенно развитой дѣвицы, въ полномъ цвѣтѣ пра-

выинной и строгой; даже несколько холодной красоты. Такъ какъ Федотовъ былъ знакомъ во многихъ семействахъ и могъ время отъ времени входить въ институтъ, за оригиналами не могло быть остановки; но гдѣ же надлежало сконспировать *много дѣйствій*, большую залу съ колоннами, постелями и освѣщеніемъ отъ безчисленныхъ оконъ? Эту обстановку и освѣщеніе потребно было имѣть передъ глазами каждую минуту, между тѣмъ какъ безпрестанныя посѣщенія Института оказались бы невозможными. Подумавъ немного, нашъ художникъ рѣшился въ своей комнатѣ устроить себѣ институтскую залу съ помощью картона, палочекъ и глазированной бумаги. Около двухъ недѣль онъ сидѣлъ, размѣривалъ по масштабу, клейлъ, раскрашивалъ и рѣзалъ, а наконецъ плодомъ его усилій вышла большая бѣлая коробка съ прорѣзанными юнками; внутри коробки, открытой съ боку, помещались бѣлыя колонны и ряды кроватей. Каждая колонна обклеивалась бумагой подъ мраморъ; каждая кроватка отдѣлывалась какъ будто для пирושки.

Мѣсяца за три, можетъ быть за четыре до послѣдней болѣзни Павла Андреича случилась съ нимъ маленькая исторія, ясно показывающая, до какой степени онъ забывалъ все на свѣтѣ, когда ему предстояло удовлетворять своей главнѣйшей страсти, именно: страсти къ наблюденію. Передъ наступленіемъ весны, въ сырое и холодное утро, нашъ художникъ почувствовалъ головную боль и, чтобъ прогнать ее, пошелъ бродить по улицамъ. Гдѣ-то около Гореховой онъ встрѣтилъ кучку людей, по всей вѣроятности, писцовъ, отправавшихся виѣстѣ завтракать въ ресторацію «Пекинъ» или «Мысль Доброй Надежды».

Однѣ изъ этихъ господъ, маленький, бойкій человѣчекъ, «очень похожій на чижику», шутилъ надъ своими пріятелями и задиралъ ихъ такъ бойко, что Федотовъ засмотрѣлся, заслушался и потомъ очутился самъ въ «Пекинѣ», гдѣ усялся въ уголокъ около окна, на пунктѣ, самомъ удобномъ для наблюденія. Шутки и разговоръ завтракавшихъ джентельменовъ кончились ссорой, при чемъ чижику былъ выдранъ за волосы; но это его нимало не сконфузило; онъ только встряхнулъ головою и сказалъ, обращаясь ко всей компании:

«Извольте спорить съ такими зазорными людьми».

Между тѣмъ съ однимъ изъ членовъ бесѣды сдѣлалось дурно, по всей вѣроятности, отъ излишней порціи водки. Онъ упалъ на полъ, а друзья, чтобъ освѣжить его, отворили форточку, ту самую, около которой сидѣлъ Павелъ Андреичъ. Не обращая вниманія на эту мелочь, Федотовъ продолжалъ глядѣть во всѣ глаза, за

миная физиономіи; а между тѣмъ холодный вѣтеръ дулъ ему прямо въ затылокъ. Въ этотъ день мы сидѣли вмѣстѣ вечеромъ, и онъ передавалъ всю сцену слушателямъ, но на утро схватилъ сильный кашель съ дихорадкой и головной болью. Цѣлую недѣлю пролежалъ онъ въ постели, передавая всѣмъ посѣтителемъ забавную исторію бойкаго чирика и своей простуды.

Головные боли начались у Павла Андреича задолго до заключенія съ чирикомъ. Прямая ихъ причина заключалась въ постоянномъ утомленіи зрѣнія, а можетъ быть и въ немного причудливомъ обхожденіи художника съ своими глазами. Одинъ разъ я засталъ Федотова въ странномъ и тогда смѣшномъ положеніи: онъ сидѣлъ на диванѣ, передъ нимъ лежали исписанные листы бумаги (то были стихи), а на глазахъ его красовались какіе-то компрессы не то изъ тряпочекъ, не то изъ бѣлой бумаги, смоченной холодной водою. Тутъ же стояла вода со льдомъ. Павелъ Андреичъ повременамъ снималъ одинъ изъ компрессовъ, опускалъ его въ воду, оглядывалъ глазомъ всю комнату и снова налагалъ холодное тѣло на открытый глазъ.

— Вы простудите голову и глаза, сказалъ я ему.

— Да ужъ я это дѣлаю цѣлые годы, былъ отвѣтъ.

— Кто же вамъ это посоветовалъ, Павелъ Андреичъ?

— Кто? я самъ выдумалъ.

Къ головной и глазной боли часто присоединялись, съ молодыми лѣтъ, нѣкоторое нервное расстройство и бессонница. Какъ большая часть людей, которыхъ голова находится въ постоянной работѣ, Федотовъ любилъ мертвую тишину ночью, и малѣйшій шумъ отгонялъ у него сонъ, часто до бѣлаго разсвѣта. Одинъ разъ его уговорилъ ночевать у себя одинъ изъ товарищей; но, когда все въ домѣ улеглось, Федотовъ замѣтилъ, что какіе-то часы шелкаютъ надъ его головою. Тщетно пытаюсь заснуть, онъ наконецъ повелъ рукой по стѣнѣ и, «схвативъ часы за хвостъ», то есть за маятникъ, остановилъ ихъ тутъ же. Казалось, оставалось только захрапѣть; но нашему художнику пришла мысль вотъ какого рода: «часы съ маятникомъ, конечно, самые вѣрные часы въ домѣ, и слуга смотреть на нихъ утромъ, собираясь будить хозяина. Хозяинъ человѣкъ служащій,—стало быть, если его не разбудятъ во время, опоздастъ къ своей должности, получитъ непріятность и всѣмъ этимъ, будетъ долженъ своему гостю». Насилу-насилу служитель былъ предувѣдомленъ, и сонъ удостоилъ сойти на Федотова.

Безпрерывная, пламенная дѣятельность мыслей жгла, мстошала натуру Павла Андреича. На видъ онъ былъ силенъ и крѣпокъ;

но люди, знавшие его дѣтъ восемь сряду, видѣли, какъ онъ старѣлъ и блѣднѣлъ съ каждымъ годомъ. Вотъ еще анекдотъ по этому предмету, болѣе значительный, чѣмъ исторія о часахъ, пойманныхъ за хвостъ. Ужиная у котораго-то изъ своихъ друзей, на Петербургской или Выборгской сторонѣ, нашъ художникъ склонился на убѣжденія хозяина и, вмѣсто того, чтобъ отправляться на Островъ по пустымъ и темнымъ улицамъ, рѣшился переночевать въ его домѣ. На этотъ конецъ отдѣлена была комната въ сторонѣ отъ главнаго помѣщенія, окнами на дворъ; но, къ несчастію, чуть бесѣда кончилась и Федотовъ улегся, пѣтухи, въ изобиліи находившіеся при домѣ, стали пѣть разными голосами, то хриплыми, то звонкими, то яростными. Музыка эта отогнала сонъ отъ художника, а бессонница зародила множество мыслей; плановъ будущихъ сочиненій и т. д. Пока пѣтухи пѣли, въ головѣ Федотова уже составилъ эскизъ, очеркъ новой картины, — кажется, той, которую онъ хотѣлъ назвать «Блуднымъ Сыномъ». За большимъ планомъ послѣдовали новые, поменьше; изъ нихъ одинъ занялъ Федотова до такой степени, что онъ ждалъ утра, для того, чтобъ немедленно приступить за работу. Стало свѣтать, пѣтухи валились съ новымъ рвеніемъ, рисуночекъ обозначался все яснѣе и яснѣе; наконецъ Федотовъ увидѣлъ себя въ совершенной невозможности улежать на своемъ мѣстѣ. Вставши, онъ тихо прошелъ въ переднюю, нашелъ тамъ свое платье и чьи-то расширенныя сапоги, надѣлъ все это, бросился на улицу, съ великими усилиями (по причинѣ широкихъ сапоговъ) дошелъ до дому и тотчасъ же сѣлъ за работу. Понятно, до какой степени подобныя продѣлки должны были развивать въ немъ болѣзнь глазъ и головы, особенно опасную при его воздержной жизни, сильнымъ темпераментъ и сидѣный за работою. Одинъ изъ медиковъ, не шутя, совѣтовалъ ему хоть разъ въ мѣсяцъ слѣдовать примѣру артистовъ, такъ имъ охуждаемыхъ, то есть позволять себѣ усиленные развлечения, даже разгулъ; но чѣмъ болѣе трудился нашъ художникъ, тѣмъ ровнѣе и усидчивѣе становился образъ его жизни.

При всякой тяжелой и необыкновенной болѣзни, постигающей лицо, извѣстное публикѣ, особы ему знакомыя и незнакомыя начинаютъ потчасъ же строить догадки о причинахъ недуга, разсказывать, что они давно, давно уже какъ подмѣчали его начало, и; пользуясь этимъ случаемъ, придумывать заключенія, не всегда вѣрныя, но всегда замысловатыя или романическія. Болѣзнь и смерть Павла Андрееча въ этомъ отношеніи дали пищу многимъ разсказывающимъ въ ущербъ истинѣ; недаромъ сказано: «если съ извѣстнымъ человѣкомъ не было въ жизни роману»

ческих, происшествий, глубина ихъ сама придумаетъ». Съ моей стороны, подкрѣпляя свои слова отзывами десяти или двѣнадцати искреннѣйшихъ друзей покойнаго, я могу только сказать, что причина последней болѣзни Павла Андреича въ высшей степени трогательна, но проста какъ нельзя болѣе. Онъ мучилъ себя работою, неотступнымъ, пламеннымъ умственнымъ трудомъ. За мѣсяцъ или за три недѣли до полученія мною изъ Петербурга роковаго письма, мы видались и бесѣдовали ежедневно, и никогда я не помню Федотова болѣе ровнымъ по характеру, увѣреннымъ въ себя и спокойно неутомимымъ, какъ въ это время. Онъ оканчивалъ двѣ копии: «Вдовушки» и «Сватовства», набрасывалъ очерки двухъ картинъ; оба произведенія имѣли быть оконченными къ выставкѣ, а до выставки оставалось не болѣе четырехъ мѣсяцевъ (*). Конечно, Федотову не въ новостъ приходилась такая горячая работа: полагаясь на свою энергію и примѣры прошлыхъ лѣтъ, онъ позабылъ, что его здоровье уже было распатано годами труда необыкновеннаго, и что трудъ творческій изнуряетъ художника несравненно болѣе, нежели трудъ ученическій. Ему некогда было сообразить, что онъ давно уже не имѣлъ тѣхъ спасительныхъ періодовъ отдохновенія, которые передъ тѣмъ отъ времени до времени предохраняли его умъ и тѣло.

Со дня выхода своего изъ полка нашъ художникъ далъ себѣ только два раза полный отдыхъ отъ занятій, только два раза судьба посылала ему возможность развлеченій, восстанавливающихъ силы, и волею-неволею заставляла Павла Андреича на довольно значительное время отрываться отъ полотна и красокъ. Въ первый разъ академическая выставка и успѣхъ картинъ Федотова, поставивъ его въ необходимость прислушиваться къ отзывамъ цѣнителей, поддерживать вновь завязавшіяся знакомства, заставляли нашего художника отложить на нѣсколько недѣль всѣ свои изнуряющія силы занятія. Павелъ Андреичъ наслаждался этими не-

(*) Изъ свѣдѣній, полученныхъ мною черезъ секретаря Академіи, усматривается, что весной Федотовъ приготовлялся писать еще одну картину: «Возращеніе институтки въ родительскій домъ». Сколько мнѣ извѣстно, Павелъ Андреичъ понималъ этотъ сюжетъ двояко: то ему просто хотѣлось изобразить день семейной радости, то онъ имѣлъ въ виду придать всей вещи характеръ печальный, представивъ изумленіе дѣвочки, отыскившей отъ семейной жизни, при видѣ бѣдности своихъ родителей. Не знаю, на которомъ изъ двухъ плановъ остановился нашъ художникъ.

Долгомъ считаю, при этомъ случаѣ, изъяснить глубокую признательность за свѣдѣнія, доставленные мнѣ г. Григороничемъ, однимъ изъ наиболее цѣнныхъ друзей покойнаго, много разъ оказывавшимъ истинно отеческія услуги нашему художнику.

дѣлами, какъ дѣлѣнка, тѣсными трудами добывшій себѣ право на отдыхъ, вносящій цѣну каждому часу, каждой минутѣ спокойствія послѣ бури. «Помните, — говаривалъ онъ въ это время, — какъ на службѣ мы наслаждались послѣ утомительныхъ перекодокъ, даѣ нибудь на два дня, дѣтми, дѣсрѣди зелени и деревенскаго веселья? Или помните, какъ, поротаясь въ городѣ, по домамъ, мы радостно ложились въ сухія постели и на вѣскомяе дней дѣлались объѣдателями? То же теперь, со мной.» Пока длилась выставка, онъ рисовалъ только маленькія вещицы карандашомъ и сухими красками, скопировалъ съ гравюръ даѣ прелестныя голловки Лауренса (*); и окончилиъ два женскіе портрета; все это для Федотова было не болѣе, какъ легкой забавой. Послѣ трехъ-годовой выставки 1848 года онъ опять было пустился работать по прежнему, не взирая на короткіе зимніе дни; но вскорѣ семейныя обстоятельства, и обстоятельства довольно печальныя, побудили его отправиться въ Москву, на самое, какъ говорилъ онъ, короткое время. По прѣществіи двухъ недѣль, друзья Павла, Андреича, получили извѣстіе, всѣхъ чрезвычайно обрадовавшее: «Мои картины производять фуроръ — рисалъ Федотовъ, — и мы зѣхъ замыслили устроить маленькую выставку изъ моихъ эскизовъ и оконченныхъ работъ. Новымъ знакомствомъ, и самымъ радостнымъ, теплымъ бесѣдамъ нѣтъ конца. Въ участіи прѣго отца и сестры-вловушки первыя лица города приняли участіе; съ Божіей помощью, я надѣюсь, что ихъ обезпечать навсегда. Я рѣшаюсь поѣхаться еще немножко, потому что въ этой суматохѣ медлая работать. Каясь зѣхъ кстати въ одномъ прѣгрѣшеніи: моя стихотворная бездѣлушка (**) ходитъ по рукамъ, и меня часто заставляютъ ее дитать. Знаю, что вы меня выбралите поирѣдѣ; ну да ужъ дѣлать нечего!» Сколько могу припомнить, Федотовъ остался въ Москвѣ около четырехъ мѣсяцевъ, и доротился оттуда весною, десѣдѣмъ, доводнымъ и помолодышиимъ. О радущи москковскихъ жителей онъ не могъ наговориться достаточно, и даже началъ было поговаривать о хороменъкой невѣстѣ, которую ему хамъ сватали.

При всемъ томъ, лица, уже научившимъ натуру нашего художника, вскорѣ даѣлалось яснымъ, что Павелъ Андреичъ, виѣстѣ съ тысячью самыхъ отрадныхъ воспоминаній, вывезъ изъ старой столицы одну мысль, — мысль скорбную и горимельную. Се-

(*) Обѣ вещи нахалются у меня въ обѣлѣхъ, устроенной сѣмимъ Павломъ Андреичемъ.

(**) Объясненіе картины «Савоство». Это стихотвореніе, дѣйствительно приваленіе дѣлучимъ дѣламъ, дола дабо мадѣсаннымъ въ стихахъ Павломъ Андреичемъ.

милотво свое оны оставилъ къ положенію болѣе чѣмъ стѣсненному: посильной разлуки, оны увидѣлъ особы, дорогихъ его сердцу, посреди нищеты совершенной и оставилъ ихъ убѣдивъ въ томъ, что все жертвы, имъ приносимыя въ теченіе столькихъ лѣтъ, оказывались недостаточными. Каждый день, возвращаясь съ дружескихъ бесѣдъ, изъ собраній, гдѣ его приветствовали и ласкала лучшая часть московскихъ жителей, Павелъ Андреичъ былъ свидѣтелемъ страданій своего отца, почтеннаго и престарѣлаго воина, вставалъ своими нѣжно любимыми сестерами за грубой работою для насущнаго хлеба, утѣшалъ ихъ, дѣлилъ съ ними свой малый достатокъ и успокоивалъ ихъ надеждами на блестящую будущность. Къ несчастію, дѣла семейства именно находились въ положеніи, недопускавшемъ надеждъ, неизмѣнявшейся вследствие временныхъ облегченій: долги, гдѣ родился Павелъ Андреичъ, продавъ были за долги; съ его продажей все многочисленное семейство художника имѣлось крова и половины средствъ къ существованію. Федотовъ увидѣлъ, что ему хотя нѣкоторое время придется работать нѣто, что ему хотѣлось, — работать не для извѣстности, а для денегъ. День, въ который оны рѣшился самъ копировать свое «Свадьбо» и запродавать свою копію, былъ однимъ изъ немногихъ печальнѣйшихъ дней его жизни (*). И вотъ почему, къ маю мѣсяцу 1852 года, мастерская Павла Андреича была напоимена пачатыми вещами, а самъ оны видѣлъ впереди себя дѣльное бѣдны труда самого тяжкаго.

При упоминаніи объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, сердце мое сжимается и на глаза выступаютъ слезы. За два дня до моего отъѣзда изъ Петербурга, я заходилъ къ Федотову и звалъ его выѣхать съ собою въ деревню на полный отдыхъ, прерываемый повзвѣками по живописнымъ сельскимъ окрестностямъ нашего края. Я выѣзжалъ устроить ему особую мастерскую, въ саду, посреди цѣлой рощи изъ бывшихъ розъ, перетачить изъ столѣцы вещи, имъ начатыя; заманивалъ его обѣщаніями свиданій съ нѣсколькими изъ близкихъ къ намъ лицъ. Нѣсколько минутъ Павелъ Андреичъ колебался; но мысль о выставкахъ взяла свое: «Я и такъ уже — сказалъ оны — упустить одинъ годъ, не напоминая о себѣ публикѣ. Наша извѣстность требуетъ, чтобы о ней чаще толковали:

(*) Можетъ быть, читателямъ покажется страннымъ эта рѣшимость. Федотовъ уже былъ такъ извѣстенъ, что всякая новая его картина не могла остаться незамѣченной. Но, съ сокрушеннымъ сердцемъ рѣшился копировать свои вещи въ то время, когда сотни плановъ ждали своего исполненія, Павелъ Андреичъ имѣлъ въ виду расчетъ денегъ и времени. Натуры не требовалось, а работа шла необыкновенно скоро. Само собой разумно, что и тутъ оны были добросовѣстны до мелочности.

знаете, сравненіе: «слава — дымъ». Надо чаще подпускать этого дыма; иго онъ разойдется по воздуху.» Спорить съ Федотовымъ было бесполезно. Еслибъ судьба, хотя въ эти рѣшительныя минуты жизни человеческой, посылала намъ даръ смутаго предвидѣнія! Я бы не отошелъ не побѣдивши, не жонинулъ на минуту одного изъ лучшихъ друзей моей молодости, не далъ бы ему подойти къ пролѣтымъ копіямъ (на цѣкъ онъ не могъ глядѣть безъ терзаній), увелъ бы его съ собой, какъ уводилъ его столько разъ изъ квартиры его, послѣ шлага дня работы, насильно держа за рукавъ шинели, — сдѣлать бы все возможное для его успокоенія и развлеченія. Черезъ день мы сошлись съ Павломъ Андреевичемъ въ послѣдній разъ; вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда. Мы бесѣдовали до полночи. Въ это время я долженъ былъ оставить собесѣдниковъ часа на два. Воротясь домой, я узналъ, что Федотовъ говорилъ очень много и много, ушелъ послѣднимъ и, уходя, объявилъ, что еще зайдетъ по утру проститься. Рано утромъ я выѣхалъ изъ Петербурга и чрезъ мѣсяцъ получилъ горестную вѣсть о послѣдней болѣзни нашего художника.

Исторія этихъ несчастныхъ событій, пяти мѣсяцевъ злого недуга и послѣднихъ дней Павла Андреевича, слишкомъ тягостна и слишкомъ свѣжа для того, чтобъ о ней много распространяться. Достаточно будетъ сказать, что Федотовъ, уже пораженный болѣзною, помраченною его свѣтлый разумъ, мѣсячъ ходилъ по Петербургу и окрестностямъ и успѣлъ разбросать всѣ деньги, только что полученныя имъ за одну изъ своихъ картинъ, и другую сумму, взятую изъ числа олдующаго ему. Высочайшаго пособия, для пересѣлки къ роднымъ. Только на простествіи нѣкотораго времени результатъ болѣзни былъ узнавъ друзьями покойнаго; лечение началось, сперва въ столицѣ, потомъ за городомъ въ Больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, что по Петерговской дорогѣ. Выше всякаго описанія были страданія Федотова. Его могучій организмъ и пламенная фантазія оказывались въ этомъ случаѣ гибельны: онъ не имѣлъ минуты успокоенія, часу сна, тихихъ или отраднѣмъ нѣлювій: онъ не поддавался долгу, не разставался съ частью своей необыкновенной памяти, узнавалъ почитителей, освѣдомлялся объ отсутствующихъ друзьяхъ, чертилъ рисунки на стѣнахъ своей комнаты, видѣлъ передъ собой художничныя сцены и образы. Изрѣдка въ его грѣзѣхъ выказывалась прѣжняя, прекрасная душа; иногда Федотовъ воображалъ себя богачемъ, скликалъ вокругъ себя любимыхъ особъ, говорилъ о томъ, что нужно превратить Васильевскій Островъ въ древніе Азіиы; стоищу художества и веселія, напоенную иранорцими яворцами, садми,

статулки, часы, картины, пантеоны и т. д. (Вѣрный Коршуновъ) добрый слуга, своей преданностью напоминавшій вальтеръ-скотта Калеба, недождалъ своего барина ни на одинъ день: былъ его постояннымъ пересѣдникомъ, посвящая свободныя свои минуты на то, чтобы или извѣщать друзей художника о его подвѣшеніи, или добывать какую нибудь вещь, или закомство для раздѣленія больного. Въ началѣ прошлаго ноября болѣзнь Федотова вдругъ перестала страдать и притомъ въ себя много было признанъ близкой кончины. Болѣзнь болѣзнь развила въ немъ медленныя потери всякой надежды. Больной пробывъ Святыхъ Тайнъ, прочитавъ письмо, полученное за три дня отъ старика отца, обвинялъ Коршунова, находившагося при немъ; и плакалъ долго-долго. Видно, придется умереть — сказалъ онъ вѣрному слугѣ, обвинявъ его еще разъ — и скажи, что я хочу проститься съ Род. Бл. и Дм. (тутъ онъ называлъ своихъ друзей своихъ): пусть пошлютъ за нами, пока еще время. Но произвольная медленность въ исполненіи послѣдней просьбы испугала нашего художника: послѣдней радости — ни одинъ изъ друзей не засталъ его въ живыхъ. Все было кончено. Павелъ Андреевичъ умеръ, ноября 14-го числа.

Ноября 18-го числа во второмъ часу утра, погребальная процессія двинулась по дорожкѣ въ Петербургъ, съ свѣтъ-молитъ Павла Андреевича; на разныхъ трактахъ, за заставою и до заставы, присоединились къ ней многочисленные друзья покойнаго: старые, полковые товарищи, профессора, академики и художники; мужчины и дамы, съ которыми былъ друженъ Федотовъ. Изъ числа лицъ, подвигавшихся въ гробовѣ, конечно, не отыскивалось ни одного человека, явившагося на погребеніе съ собою своимъ сердцемъ, то были похороны безъ слезъ и отчаянныхъ рыданій, и похороны въ проявленіи скорби долгой, разумной и мужественной. Слѣдственно можно сказать, что ни одинъ изъ присутствовавшихъ не думалъ о постороннихъ предметахъ: не скорбѣлъ для вида, не торопился отойти отъ могилы, только что засыпанной. Остатки Павла Андреевича похоронены въ впадинѣ отъ большой церкви Смоленской Божіей Матери, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ памятника знаменитой артистки русскаго театра В. Н. Асенковой. Наружность Федотова, въ послѣдніе годы жизни, была привлекательна особеннымъ выраженіемъ энергіи, постоянства и силѣ, написанныхъ на его лицѣ. Сложенъ онъ былъ крѣпко и, какъ самъ выражался, *суховато*. Силою физическою онъ никогда не хвастался, но во время послѣдней болѣзни могъ выдерживать изъ стѣнъ гвозди своими руками. Голова у него была маленькая и превосходно сформированная въ своей верхней части; обиліемъ волосъ Павелъ Ан-

дрянн не могъ похвастаться. Во взглядѣ его шумъ выскѣ проявлялось много лѣтшаго, спокойнаго, но довольно трагическаго юмора. Одѣвался онъ бѣдно и небрежно, но не перешивовъ. Онъ нравился многимъ, и долженъ былъ нравиться, ибо неужли было вѣдѣть Федотова и не подумать о нравственности силъ, въ немъ отражавшейся во всѣхъ его чертахъ и движеніяхъ.

По послѣдне-полученнымъ свѣдѣніямъ, все семейство покойнаго Федотова (*) проживаетъ въ городѣ Ростовѣ, гдѣ младшая сестра Павла Андреича имѣетъ должность по женскому заведенію. Рѣдко-рѣдко говоритъ нашъ художникъ о стѣнныхъ дѣлахъ своихъ родственниковъ и, даже говоря о нихъ, вслѣдствіе разнѣ избѣгалъ входить въ подробности. Вытискалъ свое безпокойство на счетъ сестры-вдовушки съ двумя сиротами, вскользь упоминая о деньгахъ, высылаемыхъ въ Москву, съ восхищеніемъ отзываясь о томъ, какъ безропотно всѣ члены его семьи встрѣчаютъ невзгodu, помогая другъ другу, утѣшая одинъ другого, онъ всегда избѣгалъ точныхъ указаній, способныхъ бросить свѣтъ на все дѣло. Мнѣ кажется, что Федотовъ скорѣе бы умеръ, нежели сталъ просить помощи у лучшаго своего друга. На его похоронахъ я удостовѣрился въ томъ, что нѣкоторые изъ самыхъ дорогихъ пріятелей покойнаго не знали ни о положеніи его семейства, ни о постоянныхъ, неистощимыхъ усиліяхъ Павла Андреича для облегченія участи престарѣлаго отца и другихъ своихъ родственниковъ. Федотовъ жилъ такъ же, какъ и трудился: никакая тяжесть ноши не заставляла его помышлять о чужихъ плечахъ.

Этою характеристическою чертою мы оканчиваемъ нашъ трудъ. Принимаясь за него въ самый день похоронъ Павла Андреича, подъ вліяніемъ глубокаго чувства, мы не имѣли въ виду ни оцѣнки художественной дѣятельности покойника, ни указанія русской публикѣ на положеніе семейства, лишившагося своей единственной подпоры въ лицѣ нашего талантливаго и благороднаго труженика. Пусть судьи болѣе опытные произнесутъ свой приговоръ надъ Федотовымъ, какъ живописцемъ, между тѣмъ какъ другія лица,

(*) Послѣ покойнаго Павла Андреича Федотова остались:

1. Отецъ, Андрей Илларионовъ Федотовъ, титулярный совѣтникъ, 83 лѣтъ.

Получаетъ за службу небольшую пенсію.

Живетъ въ г. Ростовѣ Ярославской губерніи.

2. Сестра, Любовь Андреевна Вишнева, губернская секретарша, вдова.

Находится въ г. Ростовѣ Ярославской губерніи, надзирательницею женскаго заведенія.

При ней дѣти: сынъ 6 и дочь 3 лѣтъ.

3) Старшая сестра покойнаго художника проживаетъ тоже съ отцомъ.

можно быть, изыскать средства почтить память художника, оказавъ услуги людямъ, такъ дорожимъ ему при жизни. Эдваръ нѣтъ мѣста ни критикѣ художественной, ни обращенію къ читателямъ русскаго искусства. Мы имѣли въ виду одно только — по возможности яснѣйшее изображеніе личности поэтической, воспоминаніе о человѣкѣ, проведшемъ свою жизнь такимъ образомъ, что каждый изъ дней этой жизни былъ олицетвореніемъ труда, успѣха и поученія. Мы хотѣли сказать нѣсколько правдивыхъ словъ надъ могилой Федотова, свершившаго доблестно свое короткое поприще, надъ гробомъ существа, котораго жизнь была не пустой грѣзой, а жизнью на яву, исполненною борьбы, труда, дружбы, твердости, безстрашія, славы и, следовательно, счастья.

